

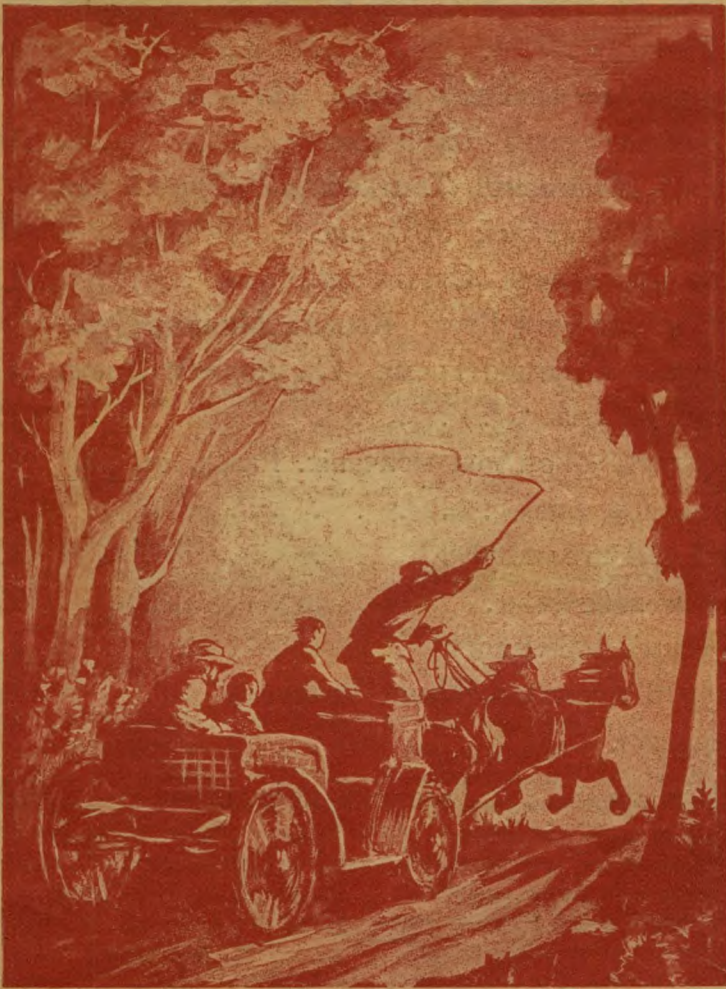

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 3.

ФЕВРАЛЬ,

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Индѣйскія игры. Разск. А. Окулова съ 4 рис.	87
Чудеса радіо. Разск. Нолли съ 5 рис.	95
Встрѣча съ пантерой. Изъ жизни въ Канадѣ съ 1 рис.	102
Старушка, не знавшая мѣры. Норвежская на- родная сказка съ 3 рис.	105
Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ. Очеркъ изъ жизни медвѣдей съ 1 рис.	106
Жизнь муравьевъ. Статья съ 3 рис.	110
Были и сказанія Руси: Козьма Мининъ-Сухо- рукъ. Смутное время. Съ порт. и 2 рис.	113
Курамъ на смѣхъ	116
Бой-скаутъ. Три дня молчанія. Разск. съ рис.	117
Спортъ. Съ рис.	120
Юный филателистъ	121
Игры и занятія	122
Обо всемъ понемногу	124
Конкурсъ журнала „Юный Читатель“	128
Объявленія.	

Приложеніе: „Дневникъ проказника“ — 3 листь
съ 2 рис.

Свистунчикъ-Коля, узкогрудый мальчикъ съ тонкими руками, просыпается утромъ среди скрученныхъ простынь и измятыхъ подушекъ.

Воскресенье, и пѣвучій долгій благовѣстъ; трепыхается колокольное било на ближней деревенской колокольнѣ, раскидывая тягучее клинканье; и осипшій самый большой колоколъ какъ будто надувается, низко гудя.

Рядомъ съ Колей на сосѣдней кровати спитъ Глѣбъ курносый короткимъ носомъ кверху; онъ належаь на щеку широкій розовый кругъ, и губы его сладко причмокиваютъ.

Коля кричитъ ему:

— Эй, соняка!

Глѣбъ раскрываетъ сонные глаза и снова зажимуриваетъ.

— Эй, соняка же! Тебѣ я говорю.

Но Глѣбъ только пыхтитъ, и снова глаза его скрываются подъ длинными тяжелыми рѣсницами.

Тогда Коля вскакиваетъ съ своей постели, пѣлится секунду, прищуривъ глазъ, а потомъ кидается на Глѣбову кровать молодецкимъ наскокомъ. И начинается жаркое сраженіе.

У дверей суетятся босоногія дѣвочки въ однѣхъ рубашкахъ; черненькіе глазки Кати и двѣ ея коротенькія косички мелькаютъ въ дверной щели; попискиваетъ тонко

Муся и грозитъ, просунувъ черезъ двери тонкую голую руку. Начинается долгое одѣваніе и плесканіе водой.

Потомъ въ столовой говорятъ «съ добрымъ утромъ» Бѣлой Рукѣ. Цѣловали руки ей и говорили скороговоркой:

— Съ добрымъ утромъ, дорогая, милая Бѣлая Рука.

Отецъ читаетъ свою большую газету, какъ всегда, спрятавшись за листомъ.

Но не сидѣлось за столомъ, езилось, езалось, топоталось подъ стульями, и не было терпѣнія ждать конца чая. Вдругъ все сорвалось и побѣжало, толкалось въ дверяхъ, кричало и пицало. А потомъ вырвалось во дворъ и стало куралесить на разныя манеры.

И вдругъ отчего-то все измѣнилось неожиданно и волшебнымъ образом: не Коля сталъ, а иностранецъ Трепыханъ, не Глѣбъ, а Молодой Ястребъ, Муся стала Гертрудой, а Катя — дѣвучкой Вигой. Въ волосы они натыкали птичьихъ перьевъ, одно перо ястребиное, а другія — неизвѣстныя перья, найденныя въ двору и въ закоулкахъ птичьяго двора. Они взяли свои каменные томагавки, стрѣлы, деревянные щиты и шестиствольный пистолеть; на ногахъ у нихъ были индѣйскіе мокассыны, пригодные для большого пути.

Сейчасъ же изъ прачешной вышла къ нимъ индианка Чикъ-Чикъ въ лянломъ голубенькомъ платьѣ и присоединилась къ ихъ отряду. А у каретника Бородачатый Другъ подмазывалъ колеса и, снявъ картузь, пожелалъ имъ благополучнаго

путешествія, счастливаго возвращенія. Кромѣ того, подбѣжала еще собака Рокъ, повиливая хвостомъ.

Молодой Ястребъ былъ настоящий человѣкъ звѣринаго и собачьяго языка. Поэтому онъ медленно заговорилъ съ ней по-индѣйски:

— Токъ тара бака чинъ тумбукъ?

И собака Рокъ поняла его, потому что подбѣжала сейчасъ же слѣдомъ за нимъ, весело обнюхивая все, что находилось на пути.

Въ этотъ осіянный солнцемъ день далеко надъ рѣкой бѣлый мартынь, одинокій, съ розовымъ носомъ, трепыхающій въ небесномъ блескѣ острыми крыльями, падалъ вдругъ камнемъ въ воду и разбрызгивалъ ее пѣнисто-снѣжными брызгами. Старый садъ сзади пѣлъ вѣтвями, помахивалъ ими тихо, — садъ грозной царицы Мидь; тамъ старая Пехъ-Пехъ, врагиня, зорко дозировала день и ночь и никого не пускала за ограду. А за оградой былъ сладкій кладъ царицы Мидь.

И затолпились, зароились индѣйцы у оградной щели, толкая одинъ другого и выглядывая, что дѣлалось новаго въ таинственномъ саду.

— Яблоко, — сказалъ Трепыханъ тихо.

— И — красное, — прибавилъ еще тише Молодой Ястребъ. — Слово даю, что красное. Пospѣли.

Тогда женщины сразу заволновались:

— А груши? Посмотри, Трепыханъ. Ахъ, посмотрите же!

— Боже мой, сколько ихъ... Господи! Это плоды съ шоколаднаго дерева.

Осы въ саду летали надъ сладкими фруктами и жужжали; горѣли Мусины тихіе глаза, и скоро бѣгали черные глазки Кати.

Трепыханъ отозвалъ Молодого Ястреба въ сторону:

— Какъ ты думаешь? Въ садъ бы къ царицѣ Мидь?

— А старая Пехъ-Пехъ? Блѣднотлицый братъ, ну, какъ же мы съ ней?

Трепыханъ спокойно поправилъ свой каменный томагавкъ:

— Послѣ ужина. Старая Пехъ заснетъ. Войдетъ на небо блѣдная луна.

— При лунѣ?

— Позовемъ женщинъ.

— Да.

Тогда начался совѣтъ вождей, и женщины покорно слушали, поджавъ калачикомъ ноги. Тутъ произошла волшебная татуировка груди и рукъ, знакъ вѣрности и знакъ любви, какъ изстари это принято въ племени Сиу-Сиу. Окончательно былъ рѣшенъ ночной походъ, и дѣвушка Вига подколола свою юбку какъ можно выше, чтобы не цѣпляться ею за тропическія лианы и не производить предательскаго шума.

Но въ этотъ моментъ, къ сожалѣнію, вмѣшались постороннія событія: мать позвала къ себѣ индианку Чикъ-Чикъ, очень сильно ругала ее дорогой, уходя, и громко шлепала обѣими руками, такъ что Чикъ-Чикъ подскакивала всякій разъ впередъ по дорогѣ и сильно плакала.

Это вызвало взрывъ всеобщаго негодованія; Катя отколола свою подобранную юбку, распустила ее и тоже заплакала.

— Ну, вотъ, начинается. Слава Богу!

— Подожди, Молодой Ястребъ. Не ворчи такъ. Видишь, сейчасъ перестанетъ.

Потомъ опять все поправилось, когда отрядъ двинулся въ свою дальнюю дорогу.

У рои въ ольхахъ запрыгали чижики, топоръ мужика затюкалъ въ чащѣ, и идущій отрядъ попалъ на звѣриныя слѣды — бизоньи слѣды. Фиалковый, пахнущій нѣжно ирисъ, ромашки, лѣсныя незабудки, пучки зеленыхъ папоротниковъ, а между ними внутри виднѣлись бизоньи слѣды. И солнце среди высокихъ стволовъ въ лѣсу блистало прямо въ глаза на просвѣтахъ — надо было шуриться отъ него и прятаться въ тѣни.

Приготовили индѣйцы свое оружіе, смѣло распрямились, готовые

къ оборонѣ; женщины они отослали назадъ, подальше отъ опасности.

И тутъ началась горячая охота на бизонѣвъ; четвероногіе звѣри носились по лѣсной полянѣ, въ разстегнувшихся курточкахъ, со спадающими чулками, грозно рычали и кидались, низко опуская свои страшные рога, сшибались съ храбрымъ охотникомъ и другъ съ другомъ и снова отступали.

Потомъ былъ убитъ одинъ бизонъ, и тогда сдѣлали маленькій привалъ и отдыхъ. Женщины мирно шили иглами изъ рыбьей кости, починали разорванные мокассины.

Гертруда сказала Трепыхану:

— Трепыханъ, ты ужъ опять собрался куда-то?

— Туда.

И онъ показалъ ей рукой на чащу дѣвственнаго лѣса.

— Ахъ, бойся индѣйцевъ, Трепыханъ! Милый Трепыханъ.

— Я не боюсь ихъ, дорогая Гертруда. Я въ своей жизни достаточно видѣлъ ихъ. А вы меня тутъ подождите немножко.

Съ этими словами онъ углубился въ дикія мѣста, преслѣдуя звѣрей и охотясь.

И вдругъ раздался громкій крикъ — бросился Трепыханъ на крикъ и думалъ, что это Глѣбъ кричитъ ему, но это былъ индѣйскій вождь Молодой Коршунъ; быстро скрылся отъ него легконогіи индѣецъ, опустивъ за собой занавѣску изъ переплетенныхъ густо лианъ.

«Дурная примѣта, — подумалъ Трепыханъ. — Мнѣ грозятъ опасности».

И дальше пошелъ онъ, зорко смотря вокругъ себя острыми глазами. Но лѣсъ скоро кончился, кончились лѣсные тайны; и раскрылись ровныя поля и дали, голубыя дали, затопленные солнцемъ.

Потомъ Трепыханъ пришелъ въ себя и вернулся обратно на становище, гдѣ осталась дорогая Гертруда. Но тамъ онъ нашелъ только измятую траву, слѣды отчаянной борьбы на жизнь и на смерть. Вспомнилъ онъ встрѣчу съ Молодымъ Коршуномъ и ужаснулся:

«Вѣрно, это было внезапное нападеніе индѣйцевъ, похищеніе дорогой Гертруды, можетъ — быть, смерть ея... И вотъ въ травѣ ея потерянный платокъ — знакъ печали и слезъ, вопль о спасеніи».

Сѣлъ Трепыханъ у Колдовскаго Дуба на опушкѣ и горестно задумался надъ планомъ о спасеніи и мести; онъ терзался отъ тоски и отъ любви къ Гертрудѣ; это было долгое размышленіе.

«Покуда рано еще мнѣ терять надежду. Только бы не сняли ея дорогого скальпа...».

И при этой мысли онъ вскочилъ и стиснулъ револьверъ, сдвигая грозныя брови:

— Впередъ!

И онъ понесся на своемъ мустангѣ.

По дорогѣ попалъ ему Сіу-Сіу, котораго онъ захватилъ своимъ лассо.

— Блѣднолицый братъ мой, я видѣлъ дѣвушку, — сказалъ ему Сіу-Сіу на своемъ языкѣ.

— Андрюшка-а-а, елова голова!.. Гдѣ же ты запропалъ?

И Сіу-Сіу убѣжалъ.

А Трепыханъ шепталъ себѣ одинъ:

«Вождь позвалъ его; это — крикъ злого вождя команчей, знакомый крикъ».

Но въ это время пришелъ Бородатый Другъ, который искалъ его:

— Завтракать, баринъ. Давно пора, дома ждуть.

Разгорѣлся день всѣмъ своимъ пламенемъ, растекался въ потокахъ свѣта. Въ большомъ домѣ закрыли ставни отъ жары, и его бѣлыя стѣны знойно блистали. Среди затемненной прохладной столовой былъ накрытъ завтракъ. Все еще грустила о чемъ-то Бѣлая Рука въ этотъ день.

Дѣвочки подносили ей букеты изъ лѣсныхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ лохматыми полевыми травами. А среди мальчиковъ сейчасъ же вспыхнулъ горячій споръ.

— Я вотъ на тебя нагряну, я не буду съ вами валандаться, — гово-

рилъ Трепыханъ и выхвалялся, заложивъ въ карманы руки. — Я, братъ, знаменитый открыватель неизвѣстныхъ странъ.

И Глѣбъ покраснѣлся, началъ пыхтѣть и выкрикивать въ отвѣтъ скорыми губами:

— Самъ, небось, струхнешь меня. Самъ ты! Вишь, какой. Я самъ тебя томагавкомъ! Я — индѣйскій вождь, это не хуже твоего!

— А я выкраду Гертруду! Увидишь, выкраду! — въ азартѣ кричалъ Трепыханъ.

— Экій индѣецъ зычный!

И вдругъ лицо дѣвушки Виги омрачилось, она засѣменила въ уголъ мелкими шагами и разразилась тамъ слезами. Слѣдомъ за нею встала Бѣлая Рука, шурша своимъ платьемъ; она взяла ладошки Виги, щекотала ихъ.

— Нѣтъ, вы забыли объ идущей къ Вигѣ и къ Ястребу помощи: Бѣлая Рука къ нимъ придетъ, навѣрное придетъ. Она не дастъ въ обиду Вигу.

— Вождь ирокезовъ придетъ, Бѣлая Рука?

— Да.

Тогда начались безумные восторги.

Набѣжалъ нежданно дождикъ, солнце все такъ же блистало на небѣ, а золотыя бисерныя нити протянулись съ высоты до земли и зашептали серебрянымъ шопотомъ.

Потомъ вдругъ раскинулась радуга дугой, — сиреневыя небеса надъ нѣжно-голубѣющей зеленью, и рѣчныя воды сиреневыя, и розовый приплескъ морщинится на нихъ. А назадъ обернешься — тамъ стальное все, уходящая стороной далеко гроза. И она все уходитъ, уходитъ, алѣетъ сиреневое, и въ выси перистыя облака ложатся перламутромъ.

А потомъ отправляются всѣ къ рѣкѣ, и съ ними Чикъ-Чикъ въ голубенькомъ платьѣ; ее утромъ мать побила, и глаза Чикъ-Чикъ заплаканы.

Рѣшено было купаться въ большой рѣкѣ. Женщины отдѣлились

и пошли въ другое мѣсто, а мужчины быстро раздѣлись, — кругляшъ-толстякъ Молодой Ястребъ и юркій, костлявый Трепыханъ. На берегу они долго болтали ногами нагишомъ, а потомъ кинулись въ воду, зашныряли, заплескали, закричали...

Все такъ же голышами они вылѣзали на берегъ и грудь себѣ, и животъ, и шею намазывали грязью, чтобы тѣло было настоящее индѣйское. А потомъ кидались снова въ воду и изъ воды выползали крокодилами на животъ.

Однажды кинулся Глѣбъ — и чуть не утонулъ, не въ силахъ подняться снова на поверхность.

Но Трепыханъ спасъ его, схвативъ за плечи.

И долго они сидѣли на берегу въ волненіи и обсуждали этотъ случай. Дѣвочки пришли и тоже въ волненіи, перебывая другъ друга, ужасались, говорили, и никто никого не слушалъ.

Лягушка, высунувъ голову изъ воды, близко смотрѣла на нихъ и дышала, и отъ груди ея расходились круги; или жукъ подымался изъ сохнувшей лужицы — «д-ззз...» и тяжело летѣлъ, ударялся сослѣпа объ вѣтку прибрежнаго дерева и грузно шлепался въ густую траву.

Зной незамѣтно спадальъ, и приходила чудесная, облегчающая свѣжесть.

А они все говорили, говорили. Москиты пѣли и кусали больно въ обнаженныя индѣйскія ноги. А они клялись другъ другу хранить сегодняшнюю тайну — «чтобы не перестали насъ однихъ пускать изъ дома», а потомъ они пошли обѣдать.

Послѣ обѣда незамѣтно и неслышно подкрался вечеръ. На склонѣ солнца бархатный закатъ растянулся густой кровавой полосой по краю неба, и деревья сада черными головами нарисовались въ высотѣ.

Собрались всѣ вожди за каретникомъ и усѣлись на лежащихъ бревнахъ одинъ возлѣ другого; пред-

стояла ночь великихъ подвиговъ. Положивъ ногу на ногу, Вига курила трубку мира и кашляла. Такъ состоялось послѣднее рѣшительное совѣщаніе:

— Походъ! Впередъ!

И всѣ встали, отгѣпляя свои юбки и штанишки отъ смолы, проступившей на бревнахъ подъ солнцемъ.

А потомъ начался танецъ войны всѣхъ племенъ при восходящей

канье шелестѣло еле слышно; жуть, индѣйскія заклятія и перебирание амулетовъ, и страхъ, чтобы не встрѣтить кого-нибудь страшнаго, и чтобы кто-нибудь не услышалъ. Чу! Въ саду заплакала собака у старой Пехъ-Пехъ, и въ деревнѣ отвѣтила ей другая; а среди деревьевъ была темь; она крадется тамъ, свивается и пятнами ползетъ, выглядываетъ сразу отовсюду и раскрываетъ черный беззубый ротъ.

блѣдной лунѣ, топотаніе ногъ на росныхъ травахъ.

Скоро совсѣмъ свечерѣло. Загорѣлся желтый огонекъ вдали на горѣ — въ Вознесенскомъ, на кладбищѣ въ сторожкѣ у сторожа. Далекій чей-то проѣздъ съ колокольцами пробрякалъ въ лугахъ.

— Не пора ли?

— Блѣднолицый братъ мой. подождать нужно.

И ждуть.

Хмурить ночь черныя брови, сдвигаетъ ихъ все ближе, все гуще, все непривѣтнѣе. Совсѣмъ вдругъ почернѣли садовыя деревья, выросли вдругъ въ безконечную высоту, хоры звѣздъ въ небѣ замерцали трепетнѣе, и зашла за тучу луна; и лошадь понукалъ кто-то во тьмѣ далеко. Черно и страшно въ небесахъ.

— Не пора ли, братъ? Уснула старая Пехъ-Пехъ.

Тихій отвѣтъ во тьмѣ:

— Пора.

Крадучись, отправились они за кладомъ царицы Мидъ. Шуппу-

Заборъ они перелѣзали одинъ за другимъ, дрожали и заражали другъ друга страхомъ; кто-то тронулъ за плечо, кто-то царапнул щеку, кто-то прикоснулся холоднымъ носомъ... Передернулъ Трепыханъ плечами — и дальше въ опасную тьму, свернулъ съ дорожки въ сторону, среди деревьевъ опять на что-то наткнулся. Дрожащими руками собиралъ онъ кладъ царицы Мидъ, набиралъ себѣ въ карманы холодныя крѣпкія яблоки и спѣлыя тяжелыя груши...

«Только бы не оглянуться, только бы не оглянуться, чтобы не случилось ничего...»

И вдругъ — близкій громкій топотъ; бросились куда-то въ ужасѣ стремительныя женщины. Трепыханъ догадался, что это женщины, но не выдержалъ бѣгства ихъ и кинулся вонъ изъ сада. И всѣ собрались за каретникомъ на бревнахъ.

Что такое? Противъ вечерней потухнувшей зари пылала другая

заря; багровое дымное зарево вздымалось все выше, выше.

— Коля! Что там? Коля, скажи! Господи, скажи же ради Бога!

Люди забѣгали въ большомъ домѣ, засновали, замелькали въ окнахъ свѣчи, проковыляла старая

Бородатый Другъ среди тьмы спотыкается ногами въ конской уздѣ.

Старая Пехъ-Пехъ бѣгаетъ, ищетъ дѣтей и кричитъ имъ нянькинымъ голосомъ:

— Дѣти, пить молоко пора!..

Пехъ-Пехъ, проскакалъ кто-то на взмыленномъ мустангѣ среди тьмы.

— Эй, Веселое Урочлище горитъ — пластаеть... Лѣсной пожаръ! Пожаръ! Эй, православные! За помощью!

И всѣ суетятся, скачутъ, бѣгутъ, торопятся. Отецъ уѣзжаетъ — вызываютъ его на пожаръ.

Дѣти! Гдѣ вы?

Но бросаются Коля и Глѣбъ къ отцу и жарко умоляютъ его:

— Возьми, возьми же съ собой... Миленкѣй, возьми!

И отъ отца бросаются къ Бѣлой Рукѣ и тоже умоляютъ ее:

— Позволь!

— Ну, ѣдемъ, — говорить отецъ нетерпѣливо. — Ну, живо: Только не бабаться.

Поѣхали.

И руки отъ радости трепещутся; какъ крылья, хватаются въ темнотѣ за края плетушки... Они увѣжаютъ на скачущихъ вскокъ лошадахъ среди тьмы.

А дома укладываютъ мирно спать и нѣжную Гертруду, и дѣвуху Вигу, и молодую индианку Чикъ-Чикъ.

Такъ началась ихъ дикая долгая скачка среди озаренной заревомъ ночи. Ударилъ гдѣ-то сзади за ними въ деревнѣ набатъ, затрепыхалось судорожно колокольное било, запрыгали быстрые испуганные звуки. Лугъ растянулся подъ заревомъ красно-золотымъ ковромъ, и цвѣты пестрѣли на лугу, какъ драгоцѣнные чудеса; объятое пламенемъ небо смотрѣло на нихъ съ высоты. И они стремительно скакали по красно-золотому ковра; подковы лошадей ихъ сверкали...

Потомъ доскакали до роши на берегу рѣки — и вдругъ они скрылись разбѣгомъ во тьму, закрылось зарево отъ нихъ за высокими черными деревьями, только въ небѣ багровый отсвѣтъ мигалъ и игралъ... Что тамъ чернѣло на рѣкѣ — тамъ барка, мельница, чудовище, чья-то зубчатая спина? Нѣтъ, что же тамъ такое ползучее во тьмѣ, плывучее, съ длинными руками и ногами, и дрожитъ, и шерсть его въ злобѣ подымается?

И вдругъ врывался снопомъ яростнаго свѣта — то изорванный половодьемъ берегъ противъ нихъ торчалъ, и молча навзничъ лежали въ черной водѣ перевернутыя деревья. И скачка лошадей, и обезумѣвшій набатъ.

Трепыханъ и Молодой Ястребъ стоятъ на ногахъ въ нетерпѣннѣ, въ страхѣ и радости.

— Скорѣе! Ахъ, Василій, скорѣе. Милый, голубчикъ, скорѣе!

И вдругъ выбѣгаютъ лошади изъ роши; дикое пламя плещетъ впе-

реди. На опушкѣ Веселаго Урочища срываетъ вѣтеръ свернутые жаромъ листья, и вьются листья вслѣдъ полету вихря, какъ огненный вуаль; колышатся и вьются.

Кричитъ Трепыханъ не своимъ голосомъ, онъ весь дрожитъ въ восторгѣ и кричитъ:

Господи, Василій, скорѣе! Опоздаемъ... Ахъ, мы опоздаемъ!

Тихо говоритъ отецъ ему:

— Николашка, перестань, перестань, говорю тебѣ!

И прискакали они на взмыленныхъ коняхъ.

Люди, какъ черви, извивались у огня, лопатами копали канавы въ страшной спѣшкѣ, ругались, хрипло кричали, безтолково толкались и мѣшались въ одну кучу.

Огонь сушилъ до-смерти зеленыя деревья, они какъ будто взмахивали въ небѣ огненными рукавами, разомъ взрывались, какъ факель пламени, кидали сожженные вѣтви, точно падучія звѣзды, разсыпались съ трескомъ въ искрахъ, — и роились золотыя искры, сплетались узорами, порхали въ черномъ привольѣ неба и угасали. И снова взрывались съ шумомъ новыя деревья, новыя пламенные пасти раскрывались, и новые языки извивались тамъ, и новые взрывы, клубы кроваваго дыма, какъ красныя горы въ высотѣ, раскаленные добѣла уголья, — а сзади бездонная черная тьма страшной молчащей ночи.

— Папочка, мы съ тобой! Съ тобой!

— Не смѣть! Оставайтесь здѣсь съ Василюмъ. Слышали? Я говорю — не смѣть!

— Папочка, мѣ... Мы только, папочка...

Бѣгалъ Трепыханъ въ волненіи по пылающей опушкѣ среди сухого раскаленнаго воздуха, а за нимъ Молодой Ястребъ маленькими шагами.

— Птички! Бѣдныя птички!.. Ахъ, посмотри, посмотри! Тамъ птички!

И падали обожженные птички въ дымное бушующее пламя и погибали тамъ.

Маленькая бѣлка въ смертельномъ ужасѣ кидалась въ вѣтвяхъ съ дерева на дерево и возвращалась снова, обратно въ пламя; языки огня пробѣгали по ея пушистой шерсти.

— Бѣлка! Бѣлочка!..

Бросился вдругъ впередъ Трепыханъ, разставивъ руки, чтобы изъ пламени спасти ее.

— Бѣлочка моя... Я спасу ее, Молодой Ястребъ!

Но чья-то рука схватила его за шиворотъ и подняла на воздухъ; рука понесла его отъ огня въ холодную темноту, гдѣ стояли лошади, и другая рука такъ же тащила Молодого Ястреба, и обѣ руки положили обоихъ на дно плетушки рядомъ.

— Пошелъ домой, Василиій! Вези ихъ, бѣсенятъ. Живо домой вези. Къ матери!

Вскочилъ Василиій на козлы, ударилъ по лошадамъ, и опять плетушка скакала среди тьмы, и опять стояли на ногахъ и Трепыханъ, и Молодой Ястребъ.

— Василиій, милый, голубчикъ, потише... Пожалуйста, потише.

Но Василиій лихо свисталъ и лошадей настегивалъ.

— Сказано, прямо домой везти. Отвезу.

Дома произошло объясненіе съ Бѣлой Рукой по поводу событій.

— Спать, голубчики.

— Мамочка...

— Спать, вамъ сказано. Отъ Василиія я узнала все.

— Мамочка...

— Въ постель безъ разговоровъ.

И они пошли.

Раздѣтыя дѣвочки пришли тихонько за рассказами; онѣ шептали, упрашивали рассказать.

И Трепыханъ имъ рассказывалъ, важно зѣвалъ послѣ опаснаго похода и говорилъ съ ними низкимъ голосомъ.

Потомъ за стѣной услышала ихъ разговоры нянька и разогнала всѣхъ по своимъ постелямъ.

Блѣдное лицо Бѣлой Руки еще разъ мелькнуло въ пріоткрытую дверь при свѣтѣ ночника, и все погрузилось въ дышащій ровно сонъ.

I. Персию угрожает серьезная опасность.

Васенька и радъ, и не радъ, когда къ нему приходитъ Костя Садовскій. Правда, сперва какъ будто все идетъ по - хорошему. Пьютъ чай въ столовой со взрослыми, и Костя, который на два года старше Васеньки, занимается разговоромъ маму, сестру и тетю Соню. Ему всегда есть о чемъ рассказать, и его слушаетъ съ интересомъ даже папа.

То Костя самъ видѣлъ, какъ по Двинѣ во время ледохода плыла на льдинѣ большая жирная свинья; то онъ собственными глазами наблюдалъ, какъ выгружали у таможни съ океанскаго парохода цѣлый паровозъ, который при этомъ пронзительно свистѣлъ и вращалъ колесами; то, наконецъ, Костя повѣствовалъ о томъ, какъ на Альбертовской улицѣ упалъ изъ окна четвертаго этажа, чуть ли не на голову ему, большой котъ.

Можно было только удивляться, откуда у Кости берется время — всюду побывать и все повысмотрѣть. Отчасти поэтому Васеньку и тянуло къ другу, но въ то же время онъ побаивался его, наученный горькимъ опытомъ. Стоило только мальчику остаться съ глазу на глазъ, какъ Васенька переставалъ быть хозяиномъ своихъ вещей и даже самого себя. Костя распоряжался и Васенькой, и его комнатой, и всѣмъ

его достояніемъ такъ рѣшительно, что робкій и застѣнчивый отъ природы мальчикъ безропотно подчинялся и только послѣ — обычно, когда уже было слишкомъ поздно — задавалъ себѣ вопросъ: „зачѣмъ я это сдѣлалъ? какъ я могъ его послушаться?“

Вотъ и въ памятный ему вечеръ, въ первый день Новаго года, когда мальчики послѣ чаепитія въ столовой прошли въ комнату Васеньки, таинственный и слегка мрачный видъ Кости не предвѣщалъ ничего утѣшительнаго. Можно было безъ ошибки сказать, что Костю осѣнила какая-то новая, необыкновенно интересная „идея“. Недаромъ онъ не далъ другу посидѣть у подноса со сладостями, и самъ не рассказалъ за столомъ ни одного замѣчательнаго случая.

— Хочешь, поиграемъ въ пингпонгъ? — спросилъ Васенька и тутъ же потупилъ глаза, увидѣвъ сверкающий взоръ друга.

Нѣтъ! Костя не пожелалъ играть ни въ пингпонгъ, ни въ другую „дурацкую“ игру. Есть вещи поинтереснѣе дѣтскихъ забавъ. Короче говоря, Костя твердо и безповоротно рѣшилъ самъ построить не игрушку, или какую-либо „дрянь“, а самый усовершенствованный и шикарный радио-аппаратъ.

— Деньги есть? — спросилъ онъ обычнымъ властнымъ тономъ.

— Мало... совсѣмъ мало, — поправился Васенька.

— Достанешь! — былъ отвѣтъ. — Ты попросишь у матери, или мы загонимъ твою Персію.

Фьюить! „Загнать“ Персію значило на языкѣ мальчиковъ продать изъ Васенькинаго марочнаго альбома серію персидскихъ марокъ. Лѣтомъ, когда мальчики строили складную лодку, изъ этой же коллекціи (Костя презиралъ собраніе марокъ) была „загнана“ Бразилія. Послѣ этого альбомъ, который началъ собирать еще дядюшка Васи, былъ отнять у него и возвращенъ только на Рождество. Васенька протестуетъ съ необычайной для него рѣшительностью.

— Почему ты самъ не попросишь у твоей мамы? — говоритъ онъ съ легкою дрожью въ голосъ: — или почему не загонишь что-нибудь самъ? У меня совсѣмъ отнимутъ альбомъ.

— Голова съ мозгами! — Костя беретъ Васеньку за плечо и ведетъ его къ столу, гдѣ спрятана коллекція. — Вѣдь я тебѣ, а не себѣ построю радіо. И что-же у тебя отнимутъ, если мы все, что получше, понимаешь, продадимъ?

Васенька тоскливо озирается по сторонамъ, но помощи ждуть неоткуда; и потомъ, онъ слишкомъ хорошо знаетъ характеръ Кости. Васенька читаль про факировъ, которые берутъ обезьяну, или какого-нибудь мальчика и заставляютъ на глазахъ у публики влѣзть по веревкѣ прямо на небо. Ему часто кажется, что Костя Садовскій — такой факиръ и можетъ сдѣлать съ нимъ, съ Васенькой, все, что захочетъ.

Одна надежда у Васеньки: сегодня магазины закрыты, а до завтра что-нибудь можетъ случиться, но факиръ - Костя словно читаетъ его мысли.

— Марки, понимаешь, давай сейчасъ. Утромъ, какъ откроются магазины, я сбѣгаю и куплю, что надо. Увидишь, аппаратъ обойдется прямо даромъ.

Васенька видитъ нѣчто совершенно другое: онъ уже видитъ свои марки на прилавкѣ торговца. Сердце его сжимается отъ любви къ „пер-

сюкамъ“, какъ онъ нѣжно называетъ обреченныхъ въ жертву радіо-аппарату марки. Васенька дѣлаетъ героическое усиліе и рѣшительно протягиваетъ Костѣ руку.

— Костя, клянусь честью, что достану къ утру всѣ пятьсотъ рублей. Не надо тебѣ беспокоиться и продавать марки.

II. Наука требуетъ жертвъ.

Слово гимназиста 3-го класса твердо, какъ финляндскій гранитъ. Послѣ ухода Кости, Васенька плотно закрылъ дверь своей комнаты и съ самаго дна стараго ящика, гдѣ хранились пустыя жестянки, бутылочки, коробочки и сломанныя игрушки, досталъ копилку-апельсинъ.

Васенька грустно взвѣсилъ копилку на рукѣ. Она была адски тяжелая. Потомъ онъ нерѣшительно стукнулъ гипсовый апельсинъ о спинку стула, но убѣдился, что сокровищница можетъ выдержать ударъ и послыньѣ. Пришлось пять разъ изо всѣхъ силъ ударить апельсинъ о мраморную доску умывальника, и только тогда содержимое съ трескомъ и дребезжаніемъ рассыпалось по полу. Старая трещина на умывальникѣ отъ этого какъ будто стала шире и вѣтвистѣе, но Васенькѣ было не до нея — все его вниманіе сосредоточилось на осколкахъ копилки и рассыпавшемся содержимомъ.

Васенька подобралъ двѣ серебряныя монеты и десятокъ мелкихъ никелевыхъ и мѣдныхъ. Послѣ этого онъ съ изумленіемъ уставился на рассыпанныя по полу пуговицы. Можно было подумать, что кто-то рассыпалъ рабочую коробку тети Сони, но старый номеръ пуделя Неро не оставлялъ сомнѣній, что въ дѣло замѣшанъ старшій братецъ-студентъ Николай Петровичъ. Васенька смутно догадывался, что и номеръ, и пуговицы исходили изъ одного источника и являлись карою за похищеніе галстуховъ и бриюлина. Виновникъ былъ все тотъ же милый Костя, а тяжкая расплата падала на Васю, потому что въ копилкѣ не хватало, по меньшей мѣрѣ,

100 рублей, которые, по расчету Васи, он должен был получить от брата за ежедневную чистку сапог...

Итак: 184 рубля, 14 пуговиц и один просроченный собачий номер. Васенька старательно собрал с линолеума осколки погибшего апельсина и сложил их в пустую жестянку, чтобы никто до поры, до времени не знал о случившемся. Затем, после долгого раздумья, Васенька спрятал свои капиталы под клеенку стола и направился в обход по родительской квартирѣ — точѣ въ точѣ какъ праздничный поздравитель.

Тетя Соня подарила безъ разспросовъ 25 рублей. Мама дала 50 рублей на завтрашнее кино. Папаша, по случаю кануна дня своего рождения, былъ въ хорошемъ настроеніи и звякнулъ объ столѣ сотней. Сестра Маша обѣщала дать взаимѣ столько же, когда размѣняетъ пятисотенный билетъ. Лишь братецъ Николай Петровичъ ничего не далъ и только накричалъ. Онъ — вегетарианецъ и готовится къ экзаменамъ, а потому ужасно раздражительный человекъ.

Все-таки, съ обѣщанными сестрою деньгами, вышло 434 рубля — безъ малаго то, чего требовалъ „факиръ“. Кромѣ того, Васенька готовъ дать — какъ строительный материалъ — весь ящикъ „Стабиля“.

Съ такими утѣшительными мыслями Васенька пошелъ спать.

III. Чудо-аппаратъ строится.

Если бы магазины открывались часомъ раньше, чѣмъ ихъ принято открывать, то и тогда Костя не могъ бы пожаловаться на неаккуратность друга. Въ восемь утра Васенька уже стучался на черной лѣстницѣ въ кухню Садовскихъ.

Костя, оказывается, еще спалъ. По его словамъ, онъ всю ночь работалъ надъ аппаратомъ и только подъ утро заснулъ. У него оказался готовый набросокъ чудо-радио-аппарата, который онъ съ гордостью показалъ Васенькѣ.

— Понимаешь, это мое собственное изобрѣтеніе. Настоящій аппаратъ стоитъ восемьдесятъ долларовъ и установка его обходится долларомъ двадцать, а мой мы сделаемъ задаромъ. Ты принесъ деньги?

Васенька протянулъ Костѣ триста рублей и попытался пояснить, что недостающее обѣщано ему сестрой.

Костя спряталъ деньги и „чертежъ“ подъ подушку и зѣвнулъ:

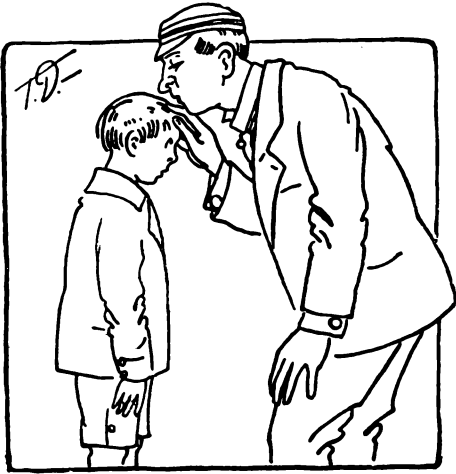
— Ыы-а... Я еще посплю часокъ. Приду къ тебѣ въ четыре и принесу все... ыы-аа... что надо.

Костя повернулся лицомъ къ стѣнѣ и тѣмъ далъ понять, что пріемъ конченъ. Васенька поплелся по черной лѣстницѣ домой.

Время до четырехъ часовъ тянулось бесконечно медленно, но еще медленно тянулось оно послѣ четырехъ, когда Васенька, прислушиваясь къ каждому шороху на лѣстницѣ, поминутно бѣгалъ отворять парадную дверь.

Это было впрочемъ кстати. То и дѣло приходили родственники и знакомые поздравить Васенькинаго отца. Кухарка Мильда могла все вниманіе посвятить пирогамъ и индѣйкѣ. Сама она никогда не шла отворять послѣ первого и даже второго звонка.

Наконецъ, ровно безъ пяти минутъ пять, раздался условный сигналъ — щелкнула три раза у парадной двери металлическая створка „для писемъ и газетъ“. Васенька

радно распахнул дверь и увидѣлъ ухмыляющееся лицо брата Николая. Студентъ мимоходомъ притянулъ къ себѣ голову мальчика и принохался.

— Сегодня, кажется, моего брилина не бралъ, — процѣдилъ онъ сквозь зубы. — Что, рябчикъ, думалъ твой Стокантинъ пришесть? Маленькую ошибку давалъ: просто звонокъ испортился!

Васенька разочарованно идетъ изъ передней въ столовую и тамъ за чайнымъ столомъ видитъ Костю. Коварный другъ уже давно прошелъ черезъ кухню и оживленно разговариваетъ съ папой и тетей Соней. Папа недовѣрчиво улыбается и переспрашиваетъ Костю:

— Такъ, говоришь, московскую оперу будемъ слушать? Что-жъ, дѣло хорошее, и гостямъ сюрпризъ будетъ.

Васенька обиженъ, что битый часъ напрасно торчалъ въ передней. Онъ садится за дальній конецъ стола и дѣлаетъ видъ, что разговоръ его совершенно не интересуетъ, но маска равнодушія скоро сходитъ съ его круглой румяной мордочки. Его несказанно волнуетъ каждое слово разговора. Оказывается, вѣдь, что чудо-радіо-аппаратъ уже принесенъ Костею въ его, Васеньки, комнату и даже установленъ тамъ.

— Не поэтому-ли звонокъ не звонитъ? — цѣдитъ сквозь зубы братецъ Николай Петровичъ.

Костя не устаиваетъ его отвѣтомъ. Онъ рассказываетъ, какъ знакомые Мейеровъ, Фейертаги, установили у себя сами точно такой аппаратъ, какой онъ построилъ, съ тою лишь разницей, что заплатили за него кучу денегъ.

— Для этого, голубчикъ, требуется имѣть разрѣшеніе отъ почтового вѣдомства, — продолжаетъ вмѣшиваться не въ свое дѣло братецъ Николай. — Нужно установить на крышѣ дома антенну.

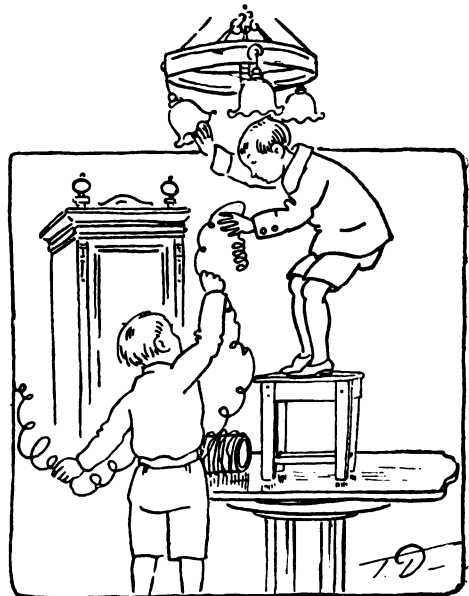
Костинъ отвѣтъ предназначенъ исключительно для студента, но обращенъ къ отцу Васеньки:

— Это можетъ быть въ вашемъ университетѣ устарѣлые аппараты и имъ нужны воздушные провода. Новые аппараты устроены совершенно по-другому.

Костя дѣлаетъ паузу, потому что тетя Соня подкладываетъ ему на тарелку новую порцію орѣхового торта.

— Мои знакомые, Фейертаги, — продолжаетъ онъ, — соединили проводомъ люстру въ гостиной съ водянымъ отопленіемъ и посередкѣ поставили аппаратъ. Я самъ отлично слышалъ музыку и танцы.

Взволновавшись, Костя обращается уже прямо къ студенту:

— Мы, если вамъ угодно, приняли радио парохода, гибнувшего посреди океана...

Николай Петровичъ вызывающе смѣется:

— Ха-ха-ха! И пароходъ, конечно, назывался „Стокантинъ“? Ты, конечно, принялъ мѣры къ спасенію пассажировъ и почты?

Костя хорошо подготовленъ къ атакѣ. Онъ теперь обращается исключительно къ тетѣ Сонѣ.

— Представьте себѣ наше отчаяніе. Гдѣ-то тамъ, въ океанѣ, люди зовутъ на помощь, а помочь имъ немислимо. Они все время сигнализировали три буквы, какъ принято, когда тонуть: „цик-цик-цик“ потомъ „цоок-цоок-цоок“. Это значитъ: „тонемъ“.

— Цик-ци-дрокъ! — передразниваетъ студентъ Николай, — „Цик-цик-цик“ — значитъ три точки, а „цоок-цоок-цоок“ — это три тире и потомъ надо еще разъ три точки. Все вмѣстѣ получается S. O. S. — сокращенная англійская фраза: „Спасите наши души!“

Костя доѣлъ тортъ. Онъ вѣжливо цѣлуетъ руку мамѣ и тетѣ Сонѣ. Папа треплетъ его по плечу и говоритъ:

— Ну-ну! Ты, братецъ, только пожара не надѣлай и безъ свѣта насъ сегодня не оставь. У насъ отопленіе паровое, а не водяное!

IV. Результатъ превосходитъ ожиданія.

Наконецъ, мальчики снова одни въ комнатѣ Васеньки. Кувшинъ и тазъ съ умывальника, оказывается, сняты, и на мраморной доскѣ стоитъ что-то, похожее на ящикъ. Ящикъ этотъ покрытъ сверху полотенцемъ, и Васенькѣ не разрѣшается пока взглянуть на аппаратъ.

— Ты мнѣ еще долженъ рублей сорокъ, — говоритъ Костя. — Мнѣ не хватало звонка и куска проволоки. Я ихъ взялъ пока у васъ въ кухнѣ.

Костя достаетъ изъ кармана трубку отъ домашняго телефоннаго аппарата и начинаетъ прилаживать къ ней кусокъ проволоки.

— А за такую штуку въ магазинѣ хотѣли 5 долларовъ, понимаешь? А я даромъ взялъ въ конторѣ.

Васенька нѣмѣетъ отъ изумленія и преклоненія. Никогда еще Костя не имѣлъ такого сходства съ факиромъ. Изъ глазъ его чуть-что не сыплются искры, да и смуглымъ лицомъ онъ напоминаетъ индуса.

Маленькій хозяинъ терпѣливо ждетъ, пока Костя возится съ трубкой и проволокой. Наконецъ, Васеньку подводятъ къ умывальнику; полотенце сдергивается прочь, какъ съ памятника при торжественномъ открытіи. О, чудо! На бѣлой мраморной доскѣ умывальника установлена толстая короткая трубка изъ коричневаго картона. Она обмотана безконечно длинной звонковой проволокой. Рядомъ съ нею на палочкѣ укрѣплены проволоками три лампочки отъ карманнаго фонарика и кухонный звонокъ. Костя съ важнымъ видомъ пробуетъ ихъ маленькой батарейкой. Двѣ лампочки ярко вспыхиваютъ бѣлымъ свѣтомъ, а третья — тусклымъ краснымъ. Эта оказывается самая дорогая и куплена у „Кодака“. Звонокъ не звонитъ и вообще взять на всякій случай.

Костя уже возится у парового отопленія и соединяетъ кранъ его проволокою съ картонной трубкой. Проволока растягивается змѣей по всей комнатѣ, и Костя, поминутно бѣгающій по всѣмъ направленіямъ, часто въ ней путается.

Подготовительныя работы отнимаютъ столько времени, что мальчиковъ зовутъ ужинать; гости уже за столомъ. Костя стоитъ въ этотъ моментъ на столѣ посреди комнаты и вывинчиваетъ одну изъ трехъ электрическихъ лампочекъ висячей лампы. Онъ презрительно машетъ рукой Мильдѣ, чтобы та уходила. Развѣ они тамъ не понимаютъ, что нужно успѣть все закончить къ началу оперы?

Васенькѣ тоже не хочется идти въ столовую, но все же онъ вздыхаетъ, вспомнивъ о чудесныхъ ломтяхъ ветчины, о сардинкахъ и главное объ индѣйкѣ.

— Погодите, сейчас вамъ всѣмъ не до ѣды будетъ, — бурчить себѣ подъ носъ Костя. Онъ выяснилъ, что проволока слишкомъ коротка; и мальчикамъ приходится снять мраморную доску („изоляторъ“) съ умывальника и перетащить ее — съ большимъ трудомъ — на средній круглый столъ. Еще нѣсколько примѣрокъ и исправлений, и Костя объявляетъ, что все готово. Онъ ставитъ на столъ принесенную изъ кухни табуретку и велитъ Васенькѣ лѣзть наверхъ къ лампѣ.

— Ты не думаешь, что лучше будетъ потушить свѣтъ? — опасливо спрашиваетъ Васенька.

— Чтобы ты мнѣ въ темнотѣ упалъ на голову и, понимаешь, поломалъ весь аппаратъ? Эхъ, голова съ мозгами!

Васенька больше не спорить и лѣзетъ на столъ, а потомъ на табуретъ. Онъ слышитъ, какъ изъ столовой доносятся заглушенные возгласы и взрывы смѣха. Вотъ онъ уже стоитъ во весь ростъ подъ самымъ потолкомъ.

Костя протягиваетъ пріятелю изогнутую въ спираль толстую желѣзную проволоку. Къ ней прикрѣпленъ одинъ конецъ звонковаго провода.

— Понимаешь? Ты вкрути спираль вмѣсто лампочки.

Самъ Костя рѣшительно беретъ слуховую трубку и прижимаетъ ее къ уху.

Васенькѣ уже больше не страшно. Ему самому не терпится слѣзть внизъ и взять у Кости трубку, если тотъ дастъ.

Онъ беретъ одной рукой за люстру, а другою смѣло подноситъ спираль къ пустому патрону лампы...

... Гдѣ это ударила молнія? И какой грохотъ! Какой грохотъ! Кто это такъ дико закричалъ? Почему такъ чертовски темно?

Васенька рѣшительно ничего не можетъ понять. Онъ чувствуетъ ужасную боль въ пальцахъ правой руки и въ головѣ. Кажется, онъ лежитъ на холодной мраморной доскѣ. Табуретка изъ-подъ ногъ куда-то исчезла; навѣрное это случилось, когда дьявольскій токъ ударилъ его. Онъ вспоминаетъ теперь, что потерялъ равновѣсіе и повисъ на лампѣ. Это лампа и загрохотала, когда крюкъ не выдержалъ тяжести и выскочилъ изъ потолка.

Васенька молчитъ. Онъ слишкомъ напуганъ, чтобы кричать. Но какъ колотится его сердце! Спрятаться бы куда-нибудь...

Онъ вспоминаетъ про чудо-аппаратъ и хорошо понимаетъ, что тотъ погибъ — погребенъ подъ обрушившейся на него лавиной. Однако гдѣ же Костя?

Васенька прислушивается. Голововъ изъ столовой не слышно. Кто то тамъ опрокинулъ стулъ, и раздается громкій возгласъ отца:

— Что за глупыя шутки! Костя! Вася! Дайте свѣтъ!

Костя не отзывается. Васенька тихонько окликаетъ пріятеля, но отвѣта нѣтъ. Ему боязно — не убило ли Костю токомъ, который угодилъ ему прямо въ самое ухо, когда онъ хотѣлъ принять радио...

— Костя! — снова тихо позвалъ Вася. Вмѣсто отвѣта отворилась дверь, и вошли домашніе и гости. Кто-то догадался взять съ елки свѣчки, и въ комнатахъ стало совсѣмъ свѣтло.

Васенька все еще сидѣлъ на краю разбитой мраморной доски посреди

безконечныхъ проволокъ. Прямо удивительно, какъ онъ не свалился на полъ. А Костя... Кости нигдѣ не оказалось.

У Васеньки разбита губа и оцарапана щека. Видъ у него такой жалкій и испуганный, что отецъ молча беретъ его на руки и, ласково прижавъ щеку мальчика къ груди, несетъ его въ столовую.

Братецъ Николай Петровичъ не можетъ примириться съ такимъ миролюбивымъ исходомъ дѣла. Его вегетаріанская душа требуетъ возмездія. Онъ упорно разыскиваетъ Костю, но тщетно.

— Ну, погодите, голубчики, — злится онъ, — я съ вами еще раздѣлаюсь!

Васенькѣ все равно. Только жалко Костю. А вдругъ его совсѣмъ сожгло ужасной молніей? Но его собственная совѣсть почти чиста: онъ вѣдь просилъ сперва погасить свѣтъ.

Гости узнали въ чемъ дѣло и смѣются. Зажигаютъ всѣ свѣчи на елкѣ, и всѣ опять довольны. Потомъ приходятъ снизу отъ Садовскихъ и спрашиваютъ, горитъ-ли въ квартирѣ свѣтъ? Костя, оказывается, давно вернулся домой и уже легъ спать...

Студентъ Николай Петровичъ выглядываетъ изъ окна своей комнаты и съ злорадствомъ устанавливаетъ, что свѣтъ не горитъ и во всемъ надворномъ флигелѣ.

— Радиаторы несчастные! — хочеть онъ. — Я бы имъ, рябчикамъ, показалъ такой цикъ-цидрокъ!

Сестра Машенька зоветь его ужинать.

— Поди ты вонъ, милая моя! Мнѣ заниматься нужно, — отвѣчаетъ мужъ науки.

Нолли.

Зима.

Съ картины художника Н. А. Коровина.

Встрѣча съ пантерой.

Случай изъ жизни въ Канадѣ.

Дикъ Макъ Грегоръ, техникъ электрической станціи, вышелъ изъ дому на разсвѣтѣ, чтобы починить проводъ, порвавшійся гдѣ-то на пути между главной и вспомогательной станціей.

Онъ несъ на спинѣ ранецъ съ инструментами, походный телефонъ и желѣзныя скобки для лазанія на столбы. Тамъ же лежалъ и провіантъ, расчитанный на цѣлый день — ветчина, сухари и чай.

Мѣшокъ былъ тяжелый, и для того, чтобы не увеличивать тяжести ноши, Макъ Грегоръ не взялъ съ собой револьвера. За шесть мѣсяцевъ его службы на станціи ему ни разу не пришлось во время обходовъ прибѣгать къ оружію.

Къ десяти часамъ онъ дошелъ до устья Медвѣжьей рѣки и пошелъ по просѣкѣ, вдоль которой были поставлены телеграфные столбы.

Онъ проходилъ нѣкоторое разстояніе, потомъ останавливался и, оглядываясь назадъ, осматривалъ проволоку, чтобы найти поврежденіе.

Кругомъ царила тишина. Куда ни глянь, повсюду остроконечныя вершины горъ, покрытыя снѣгомъ. Чувство глубокаго одиночества и сознаніе собственнаго ничтожества въ громадной пустынѣ охватывало его. Только телеграфные столбы да дрожащая проволока между ними говорили о присутствіи человѣка въ этой глуши.

Одинъ разъ, когда онъ оглянулся на пройденный путь, ему показалось, что по краю лѣса движется что-то темное. Онъ приглядѣлся и протеръ глаза... Тѣнь исчезла, и онъ пошелъ дальше своей дорогой. Когда онъ добрался до вершины холма, онъ увидѣлъ, что проводъ былъ порванъ именно тамъ, между двумя самыми верхними столбами. Порванные концы его лежали на снѣгу.

Макъ Грегоръ скинулъ ранецъ и принялся за работу. Прежде всего онъ набралъ охапку сучьевъ и сухой хвои, вырылъ ямку въ снѣгу и развелъ костеръ. Потомъ онъ на-

полнилъ чайникъ чистымъ снѣгомъ и поставилъ его возлѣ огня. Въ ожиданіи, пока вода въ чайникѣ закипитъ, онъ надѣлъ на ноги желѣзныя скобки и поставилъ возлѣ костра вертелъ съ нанизанными на немъ кусочками ветчины. Въ это время сзади него хрустнула вѣтка. Онъ быстро обернулся, и волосы на головѣ стали дыбомъ.

Изогнувшись на снѣгу, футахъ въ двѣнадцати отъ него, сидѣла крупная пантера, медленно виляя длиннымъ хвостомъ. Она подстерегала Макъ Грегора, какъ кошка подстерегаетъ мышъ. Ея костлявое тѣло ясно говорило, что она изголодалась. Да сытая пантера никогда и не вступить въ бой съ человѣкомъ.

Макъ Грегоръ инстинктивно ухватился за поясъ, гдѣ у него долженъ былъ висѣть револьверъ. Когда онъ вспомнилъ, что оставилъ его дома, холодный потъ выступилъ у него на лбу. Оглянувшись кругомъ, чтобы найти какое-нибудь оружіе, онъ вдругъ вспомнилъ, что большинство дикихъ звѣрей боится огня. Онъ схватилъ горящую головешку и бросилъ ее въ пантеру.

Пока головня летѣла, онъ проворно схватилъ свой мѣшокъ и спрятался за столбъ. Пантера спокойно увернулась отъ головни, потомъ подбѣжала къ костру, съѣла ветчину и повернулась къ столбу. Мѣшкать было нечего. Макъ Грегоръ съ помощью своихъ скобокъ быстро взобрался на столбъ. Онъ поднялся футовъ на десять надъ землею, когда пантера, внезапно разсвирѣпѣвъ, съ злобнымъ воемъ бросилась на столбъ. Полагая, что пантера сумѣетъ забраться на столбъ, Макъ Грегоръ вытащилъ изъ кармана перочинный ножъ и открылъ его. Но пантера и не подумала лѣзть на столбъ. Обойдя кругомъ него нѣсколько разъ, она спокойно улеглась на снѣгъ и стала сторожить свою добычу.

Когда первый испугъ прошелъ, Макъ Грегоръ попытался еще разъ

испугать своего врага. Онъ вынулъ изъ мѣшка одинъ изъ инструментовъ и бросилъ его, стараясь попасть звѣрю въ голову. Ему это удалось, но цѣль все-таки не была достигнута. Пантера взвыла отъ боли и опять начала ходить кругомъ столба. Черезъ нѣсколько времени она снова успокоилась и снова улеглась у подножья столба, какъ кошка у мышиной норы, въ позѣ терпѣливаго ожиданія.

Прошло полчаса. Макъ Грегоръ почувствовалъ голодъ. Онъ съѣлъ нѣсколько жесткихъ сухарей, съ завистью посматривая на кипѣвшій чайникъ. При этомъ взгляды его упали на стоящій неподалеку телефонный аппаратъ. Если бы онъ успѣлъ захватить его съ собой, онъ могъ бы сейчасъ дать знать о своемъ положеніи на станцію и просить помощи. Но телефонный аппаратъ былъ для него недостижимъ, какъ луна. Между нимъ и аппаратомъ лежала на снѣгу терпѣливая, бдительная пантера.

Солнце постепенно скрывалось за грядую снѣговыхъ облаковъ. Становилось темно. По проволокамъ пробѣжалъ вѣтерокъ. Макъ Грегоръ содрогнулся. Къ ужасу его положенія прибавилась новая опасность, опасность замерзнуть. Температура, доходившая на разсвѣтъ до 30 градусовъ мороза, днемъ повысилась до 15°, а теперь снова начала падать. Холодъ пронизывалъ его до костей. Ноги у него застыли, а уши были отморожены. Онъ зналъ, что въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ находился, достаточно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы за-

мерзнуть. И онъ началъ стучать ногами по столбу, чтобы отогрѣть ихъ, потомъ перевѣсился черезъ перекладину и похлопалъ руками. Послѣ этого движенія кровь быстрой забѣгала по его жиламъ, и онъ немного успокоился.

Пантеру встревожили движенія Макъ Грегора. Она встала, обошла нѣсколько разъ вокругъ столба, потомъ подошла къ столбу и, поднявшись на заднія лапы, уперлась въ него передними и нетерпѣливо потянулась. Видно было, что ей надоѣло ждать.

Макъ Грегоръ былъ близокъ къ отчаянію. Ночь приближалась; холодъ все усиливался. Надѣяться на помощь было нечего. Его отсутствіе могли замѣтить не раньше поздняго вечера, когда не дождутся отъ него условленнаго сообщенія по телефону. Помощь вышлютъ только на утро. А до тѣхъ поръ онъ успѣетъ замерзнуть.

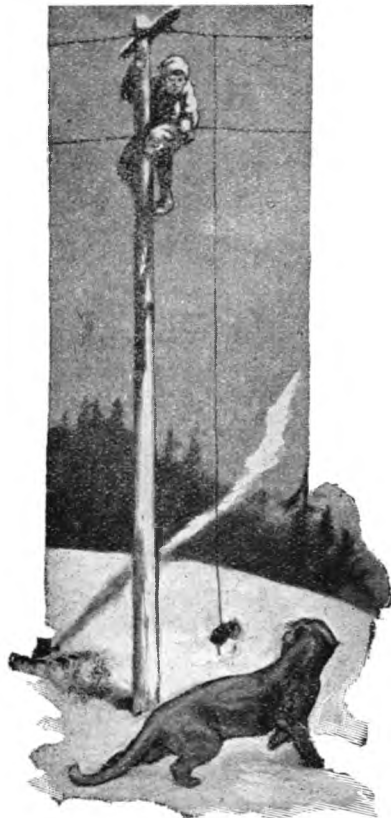
Онъ оглянулся кругомъ. Кромѣ орла, парившаго высоко въ небѣ, да пантеры подъ его ногами, не было кругомъ ни единого живого существа. И если бы не привычный гулъ проволоки, онъ давно сошелъ бы съ ума отъ страха, холода и тишины.

Тутъ взгляды его остановились на мѣдной проволоцѣ.

Вдругъ въ мозгу мелькнула блестящая мысль; она завладѣла всѣмъ его существомъ, заставила тревожно забиться сердце, заставила даже забыть холодъ и голодъ.

У него подъ рукой оказывалось сильнѣйшее оружіе,

которое могло въ самый короткій срокъ избавить его отъ врага.

И онъ невольно громко разсмѣялся. Спасеніе оказывалось такъ легко и просто.

Онъ началъ съ того, что отогрѣлъ, насколько возможно было, застывшіе пальцы. Потомъ онъ притянулъ къ себѣ конецъ оторванной проволоки, закрѣпилъ его на изоляторѣ, а остальное отрѣзалъ. У него получился конецъ проволоки такой длины, что доставалъ до земли. На одномъ концѣ этой проволоки онъ укрѣпилъ свой мѣшокъ, который обмоталъ нѣсколько разъ тонкой мѣдной проволокой, тщательно задрѣвая ее каждый разъ за телефонную проволоку. На концѣ свертка онъ въ видѣ приманки укрѣпилъ оставшійся кусокъ ветчины.

Когда хитрое оружіе было готово, онъ прикрѣпилъ одинъ конецъ проволоки къ проводу, по которому шелъ токъ. Это послѣднее дѣло оказалось самымъ труднымъ, потому что токъ былъ очень силенъ, и прикосновеніе къ проволокамъ было опасно и для него самого. У Макъ Грегора были съ собой резиновыя перчатки, а всѣ инструменты снабжены изолирующими ручками. Безъ всего этого страшное оружіе, приготовленное для пантеры, обратилось бы противъ него самого.

Когда проволока была крѣпко зацѣплена за проводъ, онъ тихонько столкнулъ свертокъ внизъ; свертокъ ударился о нижнюю проволоку, упалъ и закачался взадъ и впередъ футахъ въ трехъ надъ землей.

Все время, пока Макъ Грегоръ работалъ, пантера смиренно лежала внизу, не обращая на него вниманія, твердо увѣренная въ то, что время и холодъ скоро доставятъ къ ней добычу. Но когда свертокъ свалился сверху и закачался, она оживилась. Свертокъ привлекъ ее вниманіе и возбудилъ ее любопытство совершенно такъ же, какъ кло-

чокъ бумаги на веревочкѣ занимать кошку.

Она сейчасъ же поднялась, подошла къ свертку и потянула носомъ воздухъ. Запахъ ветчины защекоталъ ея ноздри, но она не забыла объ осторожности. Она слѣдила глазами за качающимся сверткомъ, но не подходила къ нему.

Макъ Грегоръ не сводилъ съ нея глазъ, онъ забылъ холодъ и боль замерзшихъ ногъ, забылъ опасность. Одна мысль владѣла всѣмъ его существомъ. Подойдетъ, или не подойдетъ пантера къ ловушкѣ.

Свертокъ качался все слабѣе и слабѣе; наконецъ совсѣмъ остановился. Запахъ ветчины раздражалъ обоняніе голоднаго звѣря. Пантера, видимо, забыла осторожность. Она поднялась, подошла поближе, потомъ легла и лежа подвинулась такъ, что отъ кончика ея морды до ветчины осталось не больше нѣсколькихъ дюймовъ. Макъ Грегоръ затаилъ дыханіе.

И вдругъ пантера подняла лапу и рѣшительно ударила ею по свертку. Вспыхнула яркая искра, — раздался трескъ и ревъ боли. Потомъ все утихло.

Искра ослѣпила Макъ Грегора, и онъ невольно закрылъ глаза. Когда онъ открылъ ихъ, то увидѣлъ пантеру, распростертую на снѣгу; рядомъ съ ней дымился расплавленный комочекъ мѣди. Проволока болталась на томъ мѣстѣ, куда онъ ее прикрѣпилъ. Макъ отрѣзалъ ее и слѣзъ со столба.

Поблагодаривъ небо за спасеніе, онъ немедленно принялся раздувать погасшій костеръ, согрѣлся горячимъ чаемъ и пошелъ ночевать въ пустую сторожку у подножья холма.

На другое утро онъ благополучно починилъ провода и, забравъ съ собой шкуру убитой пантеры, вернулся домой.

Старуха, не знавшая мѣры.

Норвежская народная сказка.

Жили были старикъ со старухой въ маленькой бѣдной избушкѣ, далеко отъ всего міра, на берегу моря. Однажды у старухи не нашлось дома ни сучка дровъ, чтобы сварить похлебку. Она погнала мужа въ лѣсъ за хворостомъ. Старикъ взялъ веревку и отправился за дровами. Ноги его были нетверды, и видѣлъ онъ плохо, но это не помѣшало ему собрать большую вязанку сухихъ вѣтокъ и коры, оставшихся послѣ работы

дровосѣковъ. Но когда онъ вздумалъ поднять вязанку на спину, то оказалось, что силъ не хватило, и ему пришлось вынимать изъ вязанки сучокъ за сучкомъ, чтобы облегчить ношу. Пока онъ возился, подошелъ человекъ, одѣтый въ синее. Онъ остановился и поклонился старику, словно знакомый, но старикъ не помнилъ, чтобы когда-нибудь видѣлъ его.

— Ты не узнаешь меня, — сказалъ незнакомецъ, — но мы вѣдь сосѣди: я живу подъ землей, тамъ, гдѣ ты живешь на землѣ. И я, и старуха моя очень тебѣ благодарны за то, что ты никогда не мучаешь насъ, не выливаешь воду у порога, а всегда за угломъ дома. Послушайся моего совѣта: оставь тутъ вязанку и иди по этой тропинкѣ. Ты скоро придешь къ холму; посреди холма растеть береза, а у корня ея бьетъ ключъ. Лягъ на животъ и пей воду. Съ каждымъ глоткомъ ты станешь на годъ моложе.

Сказавъ это, незнакомецъ исчезъ между деревьями.

Старикъ смотрѣлъ на пустое мѣсто, гдѣ только что стоялъ незнакомецъ, и не понималъ, — наяву ли это было, или во снѣ. Но все-же онъ послушался совѣта, побрелъ по тропинкѣ. Нашелъ ключъ, легъ и припалъ ртомъ къ водѣ. Онъ считалъ глотки, пока не дошелъ до тридцатилѣтняго возраста; тогда онъ рѣшилъ, что пить довольно. Сильный и радостный вернулся онъ къ своей вязанкѣ. Но когда онъ взглянулъ на нее, то разсмѣялся, — такая она была маленькая и легкая. Онъ набралъ хворосту вдвое больше прежняго и поспѣшилъ домой къ старухѣ. Она стояла на порогѣ и только дивилась, что это за малый идетъ изъ лѣса съ большой вязанкой на спинѣ и поетъ пѣсни. Когда же она узнала, что это ея мужъ, и что онъ помолодѣлъ, напившись чудесной ключевой воды, она все бросила и побѣжала къ ключу. Мужъ рѣшилъ украсить хижину, какъ къ празднику. Онъ положилъ свѣжихъ вѣтокъ у входной двери и вымелъ начисто дворъ. Затѣмъ поставилъ на столъ все лучшее изъ ѣды и питья, что нашлось въ домѣ. Теперь они съ женою отпразднуютъ возвращеніе силъ и молодости!

Но день прошелъ, стало смеркаться, а старухи все не было. Настала ночь — старуха не возвращалась. Прошла ночь, начало свѣтать, а ея все не было. Тогда мужъ пошелъ въ лѣсъ искать ее. У чудснаго ручья ходила маленькая двухлѣтняя дѣвочка и плакала. Она

протянула къ нему ручки и закричала: „папа! папа!“ Это и была старуха.

Она пила изъ ключа, не зная мѣры, желая помолодѣть какъ можно больше, и — превратилась въ ребенка.

— Ахъ, — сказалъ мужъ, под-

нимая ее на руки, — ужъ выпила бы ты еще пару глотковъ, — тогда бы ты превратилась въ дитя, еще не родившееся. Что мнѣ дѣлать съ тобой?

Однако взялъ и понесъ ее домой, чтобы вырастить.

Перев. Е. Х.

Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ.

Очеркъ изъ жизни медвѣдей.

Медвѣдь, котораго россійскій мушкетеръ почтительно называетъ по имени и отчеству Михайлой Ивановичемъ, иногда прибавляя и фамилію Топтыгинъ, — коренной житель лѣса. Никакая нужда не можетъ заставить его иначе, какъ на самое короткое время, покинуть излюбленную имъ дремучія чащи, дающія ему прохладу и пищу лѣтомъ и спокойный пріютъ зимой, когда онъ крѣпко спитъ въ выкопанной и устланной мхомъ и листьями берлогѣ. Чѣмъ больше лѣсовъ въ извѣстной мѣстности, чѣмъ меньше въ нихъ шума, чѣмъ рѣже показываются люди, — тѣмъ вѣроятнѣе найти тамъ медвѣдя.

Помимо лѣсныхъ пространствъ сѣверной Россіи такими глухими мѣстами богатъ округъ рѣки Суры, въ среднемъ Поволжьи, заселенномъ чувашами и черемисами. Въ засурскихъ лѣсахъ встрѣчаются обширныя болотистыя мѣстности, еще не обработанныя земледѣльцами и представляющія сплошныя чащи чернолѣсья, гдѣ медвѣдю остается пока привольное житье. Лѣтомъ эти лѣса почти непроходимы, и лишь зимою

охотники на лыжахъ могутъ заняться отыскиваніемъ цѣннаго звѣря, залегшаго въ берлогѣ.

Въ такихъ чащахъ живутъ и множатся глухари и рябчики; лѣсныя куницы охотятся по верхушкамъ деревьевъ за проворными бѣлками, а по моховымъ болотамъ разгуливаютъ тяжелые и несуразные лоси; тамъ же разгуливаетъ, никѣмъ не тревожимый, и самъ Михаилъ Топтыгинъ, разрывая муравейники, чтобы полакомиться муравьями и муравьиными яйцами, и лакомясь ягодами лѣсной малины, до которой онъ большой охотникъ. Забредеть онъ изрѣдка и на опушку, гдѣ пасливый чувашъ посѣялъ овесъ, и вытопчетъ половину поля, лакомясь молодымъ посѣвомъ.

Но это еще не самая большая бѣда. Есть среди медвѣдей и большіе охотники до свѣжей говядины, хотя такіе встрѣчаются довольно рѣдко, вопреки мнѣнію тѣхъ, кто плохо знакомъ съ медвѣдями. Обыкновенно медвѣди не нападаютъ на рогатый скотъ, пасущійся, напримеръ, въ Симбирской губерніи въ лѣсу на свободѣ, часто почти безъ

всякаго призора. Этотъ большой и обладающій громадной физической силой звѣрь обыкновенно довольствуется самой скромной растительной пищей: корнями, ягодами, посяннымъ хлѣбомъ и лишь для муравьевъ дѣлаетъ исключеніе. Но бываетъ иногда, что медвѣдь съ голодухи задавить корову и попробуетъ свѣжаго мяса, послѣ чего онъ входитъ во вкусъ и становится

можетъ остановить такого хорошаго гимнаста, какъ медвѣдь, и звѣрь перемахиваетъ черезъ плетень съ величайшей легкостью, оставляя иногда на колыяхъ и прутьяхъ слѣды своихъ сильныхъ когтей; при желаніи онъ легко разламываетъ плетень, чтобы не заниматься гимнастикой. Проникнувъ на пасѣку, медвѣдь не теряетъ времени и опрокидываетъ одинъ улей за

„Генераль Топтыгинъ“.

Съ картины художн. Высотскаго.

весьма нежелательнымъ сосѣдомъ для владѣльцевъ домашняго скота. Въ общемъ это случается весьма рѣдко, и нападенія медвѣдей на скотъ почти не замѣчаются.

Зато по отношенію къ другой области хозяйства сосѣдство медвѣдя невыносимо, а именно для пчеловодства, которому медвѣди вредятъ сильно и постоянно. Любовь этого звѣря къ меду такъ велика, что онъ теряетъ всякую осторожность и идетъ на явную опасность, чтобы полакомиться медомъ.

Какъ разъ въ описываемой мѣстности пчеловодство очень развито, и чуваша или черемисы имѣютъ часто большія пасѣки — по 100 колодъ или ульевъ, — которыя ставятся въ лѣсу и окружаются плетнемъ. Разумѣется, этотъ плетень не

другимъ, вынимая когтями колодки (рамы) съ медомъ. Если улей крѣпокъ, то медвѣдь прямо разламываетъ его вдоль и затѣмъ ѣстъ медъ, какъ свинья кормъ изъ корыта. Особенно плохо, когда медвѣдь заберется на пасѣку весной, пока въ ульяхъ еще не набралось меда: тогда онъ сваливаетъ одинъ улей за другимъ, пока не насытитсѣ, и можетъ въ двѣ-три ночи разорить всю пасѣку.

Если медвѣдь попалъ хоть разокъ на пасѣку, — онъ не перестанетъ посѣщать ее, и потому пчеловодъ долженъ принимать особыя мѣры къ защитѣ. Чаще всего, если хозяинъ не можетъ ночевать на пасѣкѣ и охранять ее, — примѣняютъ огонь, а именно: вѣшаютъ на деревѣ керосиновыя лампы, расчиты-

вая, что свѣтъ лампы отпугнетъ звѣря. Иногда по вечерамъ стрѣляютъ около пасѣки, не жалѣя пороха, и запахъ пороха остается въ воздухъ на всю ночь, отпугивая обладающаго весьма тонкимъ обоняніемъ звѣря. Но все это не всегда помогаетъ: медвѣдь, жадный до меда, теряетъ всякую осторожность и смѣло лѣзетъ на пасѣку; одинъ пчеловодъ рассказывалъ, что онъ просидѣлъ разъ всю ночь на пасѣкѣ съ ружьемъ, да на грѣхъ задремалъ на часокъ, а проснувшись нашель два улья сваленными и опустошенными лѣснымъ лакомкой.

Тутъ на помощь можетъ явиться лишь охотникъ съ ружьемъ и нужнымъ снарядомъ, чтобы уложить непрошеннаго гостя. Такой охотникъ пролежитъ на пасѣкѣ и десять ночей, чтобы подкараулить звѣря, благо его шкура, сало и мясо представляютъ большую цѣнность, и зарядъ не пропадетъ даромъ. И вотъ не успѣтъ Михайла Ивановичъ осмотрѣться, перемахнувъ черезъ знакомый уже ему плетень, какъ получаетъ въ бокъ угодное отъ охотника.

Рѣдко сразу упадетъ медвѣдь, — крѣпокъ онъ на рану. Перемахнетъ плетень обратно и пойдетъ ломать напрямикъ, удирая во всѣ лопатки, сушникъ, кусты и листья деревьевъ. Но если пуля попала какъ слѣдуетъ, то дѣло его все равно проиграно: кровь оставитъ слѣды, видные опытному охотнику и особенно его собакамъ. Охотникъ преслѣдуетъ раненаго звѣря и день, и два, пока не найдетъ его истекающаго кровью, или не прикончитъ другой пулей.

Не всегда, однако, попадется, какъ куръ во щи, медвѣдь.

Только молодой звѣрь лѣзетъ на пчельникъ зря. Старый и опытный подходитъ къ пасѣкѣ противъ вѣтра, смотритъ зорко и нюхаетъ воздухъ. Если легкой вѣтерокъ тянетъ ему навстрѣчу, — онъ все же почуветъ запахъ человѣка и не пойдетъ впередъ. Цѣлую ночь слышитъ иногда караульщикъ легкой трескъ сучьевъ подъ осторожными

шагами бродящаго вокругъ пасѣки звѣря.

Настоящая опасность медвѣжьей шкурѣ приходитъ только зимой. Лѣтомъ Мишкѣ вездѣ путь и вездѣ готовая пища: овесъ и горохъ на поляхъ у лѣсныхъ опушекъ, или на распаханыхъ лѣсныхъ полянкахъ; муравьи, грибы, ягоды, жолуди, корни сочныхъ лѣсныхъ травъ, — все это къ его услугамъ. Но зимой было бы ему плохо, если бы мать-природа не опредѣлила ему спать въ теплой берлогѣ съ поздней осени до ранней весны.

Уже съ ранней осени медвѣдь озабоченъ присканіемъ надежнаго зимняго жилья; и внимательный охотникъ, бродящій съ ружьемъ за рябчиками по глухимъ зарослямъ, наталкивается на свѣже накопанную землю подъ корнями старой ели, поваленной бурей, или въ частомъ дубнякѣ: это Мишка пробуетъ приспособить удобное мѣстечко для будущей берлоги.

Къ поздней осени выборъ берлоги сдѣланъ, но Мишкѣ остается еще не малая задача. Хитрый звѣрь знаетъ, что шкура его не всегда въ безопасности; правда, ни одинъ лѣсной звѣрь не затронетъ его, но человѣкъ — иное дѣло: онъ часто самъ ищетъ съ Мишкой ссоры, которой и хочетъ избѣжать трусливый по натурѣ звѣрь.

Итакъ, надо замести слѣды и скрыться въ берлогѣ незамѣтно для другихъ. Если долго нѣтъ снѣга, дѣла медвѣдя обстоятъ хорошо. Когда придетъ пора, медвѣдь спокойно отправляется къ берлогѣ, не оставляя слѣдовъ на мерзлой землѣ; но если снѣгъ уже выпалъ, — надо запутать слѣды. И вотъ Михайла Ивановичъ начинаетъ свои выкрутасы. Онъ уходитъ далеко отъ берлоги, исколеситъ много верстъ и потомъ уже пробирается сторонкой къ зимнему жилью, когда, по его мнѣнію, всѣ предосторожности выполнены.

Нечего говорить, что лѣснаго человѣка ему провести трудно. Опытный охотникъ, знающій всѣ привычки лѣсныхъ звѣрей, не пойдетъ по слѣдамъ медвѣдя, а замѣтивъ

всѣ входы и выходы звѣря на дорогу, опредѣлить, куда направился звѣрь, и пройдетъ на лыжахъ кругъ, изъ котораго выходного слѣда нѣтъ. Теперь звѣрь „въ кругу“, и если на другой день окажется, что новые слѣды не появились, значитъ берлога находится „внутри круга“. Однако на этомъ поиски берлоги и прекращаются: если подойти къ ней очень близко, то можно спугнуть Мишку, который встанетъ и начнетъ устраиваться въ другомъ мѣстѣ.

Затѣмъ уже среди зимы, когда медвѣдь разоспался, отыскиваютъ и саму берлогу по отдушинѣ, которая образуется въ снѣгу отъ теплаго дыханія звѣря; благодаря исходящей теплотѣ бываетъ нерѣдко, что надъ отдушиной скопляется иней и ледяныя сосульки, висящія съ вѣтвей.

Обошедшій медвѣдя обкладчикъ, т. е. нашедшій берлогу, часто даетъ знать о находкѣ городскому охотнику, и такая облава устраивается въ подходящий день, когда морозитъ, и на лыжахъ идти спорко.

Охотникъ и обкладчикъ подъѣзжаютъ на дровняхъ къ мѣсту берлоги и останавливаются, не доходя до нея, чтобы до времени не спугнуть звѣря. Приходится часто идти двѣ и три версты на лыжахъ, если подъѣхать ближе неспособно.

Обкладчикъ осторожно идетъ впереди, приближаясь къ берлогѣ, а охотникъ за нимъ. Наконецъ, они подходятъ къ черной обтаявшей дырѣ, зіяющей въ бѣломъ снѣгу: берлога тутъ.

Вожатый отступаетъ въ сторону, и охотникъ становится противъ отверстія, обмявши вокругъ себя снѣгъ, чтобы стоять твердо на ногахъ и отскочить въ сторону въ случаѣ нужды. Дается вожатому знакъ — „гнать“. Тотъ откашливается и кричитъ во всю глотку:

— Мишка, вставай, давай бою!

Но Мишка, давно проснувшійся, притаился и выжидаетъ, что будетъ дальше. „Можетъ, тамъ дровосѣки балуются“, — думаетъ онъ про себя. Однако вожатый знаетъ, чѣмъ его выкурить изъ берлоги: онъ беретъ

со снѣгу одну изъ своихъ тяжелыхъ рукавицъ, снятыхъ, чтобы удобнѣе держать ружье, и бросаетъ ее со всего размаху въ отверстіе берлоги.

Короткое, сердитое рычанье служить отвѣтомъ на эту дерзкую выходку; проходить еще мгновение, и въ отверстіи берлоги показывается широкая бурая голова съ прижатыми ушами, съ зубами, оскаленными, какъ у разсердившейся собаки, и съ горящими невыразимой трусливой злобой маленькими свинными глазками. За головой просовываются двѣ переднія лапы, и все туловище вываливается наружу. Тутъ нельзя терять времени и надо быстро и вѣрно стрѣлять въ голову, или въ переднюю часть туловища. Медвѣдь крѣпокъ на рану и, раненый даже тяжело, смѣло бросается на стрѣлка.

Рукопашная съ медвѣдемъ очень опасна и доступна лишь очень сильному и очень хладнокровному человеку, вооруженному прочной рогастиной и большимъ ножомъ.

Иной разъ, при промахѣ, медвѣдь успѣваетъ улизнуть и удираетъ во всѣ лопатки, оставляя съ перепугу на снѣгу слѣды „медвѣжьей болѣзни“, а вожатый посмѣется надъ охотникомъ, промазавшимъ звѣря: „медвѣдей бить — не блохъ ловить“, — скажетъ онъ съ укоризной, и горе-охотникъ возвращается съ охоты ни съ чѣмъ.

Медвѣдица, поднятая изъ берлоги, вообще, отважнѣе, чѣмъ медвѣдь, и если она уже пометала дѣтенышей, — не побѣжитъ ни за что и будетъ защищать медвѣжатъ до послѣдней капли крови. Уже по виду берлоги, болѣе обширной и устроенной въ болѣе глухомъ мѣстѣ, медвѣжатникъ - обкладчикъ, обыкновенно, увидитъ, что имѣетъ дѣло съ семействомъ, а потому и предупредитъ охотника, что зѣвать и промахиваться не слѣдуетъ. Лѣтомъ, покинувъ берлогу и вода по лѣсу своихъ неуклюжихъ, но рѣзвыхъ чадъ, медвѣдица - мамаша тоже неохотно побѣжитъ отъ человѣка. Если она и не тронетъ встрѣтившихся мужика или бабу, — все-же

попугаетъ порядкомъ, бросаясь на человѣка съ поднятой дыбомъ шерстью и оскаленными зубами, фыркая и какъ-то смѣшно и своеобразно отплеываясь. Полѣсовщики, натыкающіеся нерѣдко на медвѣжье семейство, знаютъ, что такая встрѣча не опасна: надо только не становиться между медвѣдицей и медвѣжатами, чтобы Марья Михайловна не подумала, что человѣкъ хочетъ обидѣть дѣтокъ. Если этого нѣтъ, и медвѣжата около матери, то нужно лишь стоять смиренно и не бѣжать: она поплыветъ и уйдетъ сама.

Вообще нападенія медвѣдей на человѣка весьма рѣдки. Былъ, на примѣръ, такой случай, что мужичокъ, собирая въ лѣсу грибы и зазѣвавшись, наступилъ ногой на подбѣжавшаго къ нему любопытнаго медвѣжонка; онъ былъ немедленно сбитъ съ ногъ подоспѣвшей на визгъ дѣтеныша маткой, которая сильно измяла зубами руку и плечо мужика и потомъ убѣжала вмѣстѣ съ медвѣжатами. Опытные промышленники говорятъ, что надо, попавши медвѣдю въ лапы, не сопротивляться и не кричать, и тогда звѣрь оставитъ въ покоѣ, лишь немного помявши.

Ловятъ медвѣдей и капканомъ, кромѣ битья изъ ружья.

Имѣются для этого и разныя приспособленія, подчасъ довольно остроумныя. Таковы, на примѣръ, „качели“, которыми защищаютъ отъ медвѣдей „борты“ (ульи на деревьяхъ), и которыя устраиваются такъ: пониже привязаннаго къ стволу дерева улья приспособлена доска, висящая на веревкахъ и слабо притянутая тонкой веревочкой къ стволу. Медвѣдь, влѣзающій по дереву къ улью, наталкивается на эту доску и хватается за ея край, а затѣмъ влѣзаетъ на нее, чтобы лѣзть дальше; веревочка обрывается подъ тяжестью звѣря, и доска отходитъ отъ ствола, такъ что медвѣдь оказывается, дѣйствительно, на качеляхъ. Путь съ качелей одинъ — прыгать на землю, гдѣ понатыканы заостренные колья.

Нелегко живется и Мишкѣ, не имѣющему въ лѣсу другихъ враговъ среди звѣрей; человѣкъ преслѣдуетъ его, гоняясь за цѣннымъ мѣхомъ, и часто робкій и осторожный звѣрь дѣлается добычей удачнаго промышленника.

В. С.

Жизнь муравьевъ.

Вотъ мы стоимъ у громадной, возвышающейся, какъ гора, муравьиной кучи. Взгляните, какъ все въ ней движется, ползаетъ, копошится. Вотъ тащить муравей свою куколку (яйцо) и ищетъ, гдѣ бы ее пріютить, а вотъ другой, схвативъ своего мертваго собрата, тащить его на мѣсто погребенія. Третій старается сдвинуть съ мѣста щепочку или вѣточку, но она оказывается для него тяжела; тогда къ нему послѣшно подбѣгаютъ на помощь нѣсколько товарищей, и общими усиліями щепочка приводится въ движеніе.

А вотъ еще два или три силача подцѣпили муху и съ торжествомъ тащутъ ее ко входному отверстию;

затѣмъ произойдетъ веселая пирушка, такъ какъ муравьи очень охочи до мушиного мяса.

Всѣ эти движенія и вся суматоха кажутся, однако, только на первый взглядъ беспорядочными; на самомъ дѣлѣ въ муравьиномъ царствѣ все подчинено строгому порядку: каждый муравей знаетъ свое дѣло, свою специальность.

Того, кто таскаетъ своихъ мертвыхъ собратій на кладбище, вы не увидите за работой по собиранію пищи, а муравьи, охраняющіе входы, не занимаются никакой другой работой.

Профессоръ Кибель, изучавшій жизнь муравьевъ, отмѣчалъ красной крапинкой брюшки муравьевъ,

Разрѣзъ муравьиной кучи. Внизу помѣщены личинки.

которыхъ видѣлъ за какой-нибудь опредѣленной работой, и оказывалось, что они только этой работой и заняты; напримѣръ, доставщики мухъ и гусеницъ на прокормъ муравейника уже не брались ни за какую другую работу.

Единственно, когда всякій порядокъ нарушается, — это, когда на родной очагъ нападаютъ враждебные муравьи, или кто-либо начинаетъ разрушать муравейникъ — звѣрь, птица или человѣкъ. Тогда всѣ поголовно превращаются въ воиновъ — защитниковъ отечества.

Особенно интересно наблюдать строгое раздѣленіе труда у муравьевъ на югѣ, когда они заготавливаютъ разныя зерна и сѣмена про запасъ. Одни влѣзаютъ на колосья и сбрасываютъ зерна на землю; другіе ожидаютъ внизу и сейчасъ же тащатъ эти зерна къ муравейнику; третьи на мѣстѣ, дома, укладываютъ кормъ въ правильныя кучки. Если путь отъ мѣста сбора до дому очень длиненъ, то на дорогѣ устраиваются подѣ какимъ нибудь листомъ временныя склады, и каждый переноситъ зерна лишь отъ одного склада къ другому; получается рядъ станцій, какъ на желѣзной дорогѣ.

Всѣ принесенныя запасы — зерна, сѣмена, мертвыя насѣкомыя и личинки, сочныя листья — тщательно разсматриваются и сортируются, при чемъ отбросы — скорлупа, мякина, шелуха — уносятся изъ муравейника прочь. Собранные же запасы складываются въ

особыя помѣщенія муравейника, служащія какъ-бы амбарами. Полъ этихъ помѣщеній тщательно выравнивается и чѣмъ-то промазывается. Въ каждомъ такомъ амбарчикѣ помѣщается около 100 граммъ корма, а всѣхъ амбарчиковъ бываетъ по 100—200 штукъ, судя по величинѣ населенія.

Интересно, что заботы муравьевъ этимъ не ограничиваются, и принимаются мѣры къ сохраненію корма отъ порчи: напримѣръ, ростки на зернахъ, начинающихъ прорасти, тщательно обгрызаются, но не сразу, а когда зерно немного прорастетъ, и въ немъ начинаетъ образовываться сладкій крахмалъ, дѣлающій зерно болѣе вкуснымъ.

Если при сырой погодѣ зерна начинаютъ пухнуть, то муравьи при первой солнечной погодѣ выносятъ ихъ для просушки на воздухъ.

Лакомое блюдо для муравьевъ доставляютъ травяныя вши (тля), выдѣляющія сладкую липкую жидкость. Эти тли представляютъ собою нѣчто вродѣ молочныхъ коровъ, и муравьи, собравши ихъ въ муравейникъ, устраиваютъ имъ нѣчто вродѣ стойлъ, куда доставляютъ и кормъ для тлей, а именно тѣ растенія, которыми тли питаются.

Впрочемъ нѣкоторые изъ муравейниковъ устраиваются какъ разъ поблизости отъ такихъ растеній, на которыхъ живутъ тли, и муравьи ходятъ туда, чтобы доить своихъ коровъ.

Не менѣе удивительно распределеніе труда при уходѣ за муравьиной царицей, за ея яичками, коконами и молодымъ, а также при самой постройкѣ муравейника.

Царицу, — которую легко отличить по болѣе округлому брюшку, — окружаетъ цѣлая толпа тѣлохранителей, которые кормятъ ее, собираютъ снесенныя ею яички и складываютъ ихъ въ отдѣльныя кучки; эти яички муравьи постоянно облилизываютъ, отчего они продолжаютъ расти, уже будучи снесенными: по видимому, при облизываніи проникаетъ внутрь яичекъ сладкій сокъ, выдѣляемый муравьями.

Такъ ухаживаютъ за этими яичками няньки въ теченіе двухъ недѣль, пока изъ нихъ не вылупятся личинки, съ которыми очень много бываетъ возни; эти личинки очень прожорливы, и ихъ приходится кормить непрерывно, передавая

Интересна, наконецъ, самая постройка муравейниковъ, которые кажутся намъ снаружи какими-то кучами хвои. На самомъ дѣлѣ это 20—40-этажное зданіе, углубленное на половину въ землю, и каждый этажъ поддерживается балками и

Рабочій муравей, самка и самецъ.

разжеванную пищу изо рта въ ротъ.

Но кромѣ нянекъ-кормилицъ, имѣются и другія няньки, которыя облизываютъ личинокъ и переносятъ ихъ съ мѣста на мѣсто, причемъ сортируютъ ихъ по росту.

Вся эта возня продолжается, пока личинки не превратятся въ куколокъ, т. е. то, что мы называемъ муравьиными яйцами. Тутъ работа нянекъ уменьшается, но не надолго.

Скоро наступаетъ для находящихся въ куколкахъ молодыхъ муравьевъ пора выходить, чего они не въ силахъ сдѣлать сами. И вотъ муравьи-няни распарываютъ челюстями чехоль кокона и вытаскиваютъ изъ него новорожденнаго; освободивъ его, расправляютъ ему крылышки, а затѣмъ моютъ, чистятъ и кормятъ, какъ дѣтей.

Сброшенные коконы немедленно удаляются изъ муравейника муравьями-мусорщиками.

столбами изъ глины. Въ центрѣ муравейника устраивается обширный залъ, потолокъ котораго подпирается цѣлой системой балокъ, — сооруженіе достойное человеческого ума.

Къ залѣ примыкаютъ безчисленные коридоры, галлерей и кладовыя, расположенныя въ разныхъ этажахъ.

Если раскрыть всю муравьиную кучу сбоку, сверху до низу, то мы увидимъ въ нижнихъ и среднихъ этажахъ взрослыхъ муравьевъ, а наверху — личинокъ и куколокъ.

Цѣлый рядъ ученыхъ полагаетъ, что муравьи не обладаютъ разумомъ, и приписываютъ всѣ ихъ дѣйствія непонятному слѣпому инстинкту; но такъ-ли это?

Надо много и долго наблюдать за жизнью муравьевъ, чтобы отвѣтить правильно на этотъ вопросъ.

Н. 3.

Козьма Мининъ - Сухорукъ.

Смутное время на Руси.

Исторія Россіи, полная славныхъ страницъ, перемежалась иногда мрачными эпохами, эпохами бѣдствія народнаго и разоренія, когда призракъ гибели виталъ надъ Русью.

Въ эти эпохи, казалось, приходилъ конецъ великой Руси. Раздираемая хищниками она умирала. Но вдругъ оживалъ духъ великаго народа, точно отъ искры пороховой погребъ — воспламенялся патриотизмъ народный, и мрачныя эпохи кончались торжествомъ. Страницы безславія заключались яркой главой неистребимаго величія народа, для котораго Богъ и Родная Земля были и будутъ началомъ и концомъ дыханія.

Мрачныя эпохи паденій не опустошали, а какъ бы закаляли душу русскаго человѣка. Являлись великіе люди, горячій патриотизмъ которыхъ воспламенялъ сердца, и русскій народъ поголовно вставалъ на защиту Родины и Вѣры. И ничто не могло удержать тогда народнаго порыва: онъ, какъ лавина, сметалъ насильниковъ и хищниковъ, поднявшихъ руку на Святую Русь.

Такъ было сметено татарское иго, столѣтія угнетавшее Русь.

Такъ же закончилась и другая мрачная эпоха въ жизни Руси — смутное время.

Послѣ сверженія съ престола Василія Шуйскаго въ 1610 году началось трехлѣтіе, которое въ исторіи называется періодомъ междоусобствія, а въ народѣ — смутнымъ временемъ, или лихолѣтьемъ.

Козьма Мининъ.

Дѣйствительно, смута овладѣла Русью. Распри и раздоры бояръ, добивавшихся власти, повергли страну въ междоусобицу. Появилось нѣсколько самозванцевъ, выдававшихъ себя за царевича Дмитрія (сына Іоанна Грознаго). Народъ, не знавшій кому повиноваться, примыкалъ къ шайкамъ этихъ самозванцевъ, грабившихъ страну.

Польша, видѣвшая въ Россіи богатую добычу, сдѣлала попытки посадить на тронъ Москвы королевича Владислава. Польскія войска захватили Москву. Весь юго-западъ Руси, отъ Десны до Оки, тоже былъ въ рукахъ поляковъ.

На югѣ ногайцы и татарскія банды грабили русскія земли и истре-

бляли населеніе. На сѣверѣ шведы воспользовались безсиліемъ страны, охваченной смутой, и заняли Новгородъ.

Боярская дума, управлявшая государственными дѣлами, была безсильна что-либо сдѣлать. Выходъ былъ одинъ — найти силу, которая уничтожила бы смуту внутри страны, и бояре, частью изъ-за выгодъ для себя, частью по недомыслию, рѣшили

они не будутъ изгнаны изъ страны.

И ничто не могло побѣдить рвенія патріарха: ни подкупы, ни лесть, ни угрозы. Ввергнутый поляками въ тюрьму, обреченный на голодную смерть, Гермогенъ продолжалъ свое дѣло — писалъ грамоты до тѣхъ поръ, пока муки голода не прервали его жизнь.

Грамоты возымѣли дѣйствіе. Союзъ Рязанскихъ городовъ со-

Патріархъ Гермогенъ въ темницѣ.

предложить Московскій престолъ королевичу Владиславу.

Лишь только Боярская Дума объявила это рѣшеніе, поляки заняли Московскій Кремль и оказались хозяевами въ Первопрестольной.

Но чтобы упрочить положеніе, нужно было добиться всенароднаго признанія Владислава царемъ, и тутъ встрѣтилось неодолимое препятствіе.

Какъ во время татарскаго ига св. Сергій Радонежскій явился защитникомъ Руси, такъ въ смутное время патріархъ Гермогенъ грудью всталъ на защиту ингересовъ Вѣры и Народа. Онъ не только отказался признать Владислава царемъ, но обратился къ народу съ грамотами, въ которыхъ призывалъ бороться съ поляками до тѣхъ поръ, пока

бралъ ополченіе, которое подъ начальствомъ князя Пожарскаго двинулось на Москву. Къ ополченію присоединились казаки подъ начальствомъ князя Трубецкаго. Но между Пожарскимъ и Трубецкимъ начался споръ о старшинствѣ, который они никакъ не могли разрѣшить, и дѣло кончилось тѣмъ, что ополченіе было распущено. Пожарскій уѣхалъ въ свою деревню, а Трубецкой съ казаками остался подъ Москвой.

Казалось, все было потеряно. Но вотъ, осенью 1611 года одна изъ грамотъ патріарха Гермогена дошла до Нижняго Новгорода. Протопопъ Савва читалъ ее народу и призывалъ его взяться за оружіе и идти на Москву противъ поляковъ.

Призывъ о. Саввы не далъ ни-

какого результата. Народъ не откликнулся.

Тогда нижегородскій гражданинъ Козьма Мининъ-Захарьевъ-Сухорукъ взялся за это дѣло.

Въ молодости онъ служилъ въ ополченіи, потомъ бросилъ ратное дѣло и занялся торговлей скотомъ. Былъ онъ человѣкъ честный, энергичный и умный.

Онъ обратился къ народу съ огненной рѣчью. Проста была рѣчь нижегородскаго гражданина, но западала глубоко въ душу народа.

— Если намъ похотѣтъ помочь Московскому государству, — говорить онъ, — не пожалѣемъ животовъ, дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ и будемъ бить челомъ, чтобы кто-нибудь вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ. Если мы на это поднимемся, многіе къ намъ пристануть, и мы избавимся отъ чужеземцевъ.

Мининъ понималъ, что для войны нужны деньги, и первый подалъ примѣръ жертвы: все свое состояніе, до послѣдняго алтына, отдалъ на дѣло снаряженія ополченія. Примѣръ подѣйствовалъ. На площадь, гдѣ стоялъ Мининъ, приносились золото, серебро, драгоценные камни, иконы въ богатыхъ окладахъ, мѣха, платья... Всколыхнулась русская душа и не знала границъ жертвамъ.

Примѣру Нижняго Новгорода послѣдовали другіе сосѣдніе города, и скоро составилось большое ополченіе.

Мининъ былъ неутомимъ. Онъ сумѣлъ сплотить разношерстныхъ

людей въ одно цѣлое, снарядилъ, вооружилъ и воодушевилъ ихъ на борьбу.

Начальство надъ ополченіемъ было предложено князю Пожарскому.

Въ 1612 году ополченіе Минина достигло Москвы, гдѣ соединилось съ казаками Трубецкого. На этотъ разъ споры о старшинствѣ были оставлены: величіе подвига Минина устранило ихъ.

На помощь полякамъ, осажденнымъ въ Москвѣ, спѣшилъ съ отборнымъ войскомъ гетманъ Ходкевичъ, а за нимъ долженъ былъ явиться въ Москву и самъ король Сигизмундъ.

Казаки Трубецкого отбили у Ходкевича провіантъ, чѣмъ обезсилили его. Подъ Москвой, совмѣстными дѣйствіями ополченія Пожарскаго и казаковъ Трубецкого, Ходкевичъ былъ разбитъ окончательно. Поляки, запершіеся въ Кремль, вынуждены были сдаться.

Постепенно страна была очищена отъ поляковъ. На царство былъ избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Миръ и тишина воцарились на Руси, измученной трехлѣтнимъ раздоромъ.

Такъ, благодаря самоотверженности и любви къ Родинѣ скромнаго нижегородскаго гражданина Козьмы Минина, закончилась смута на Руси, грозившая гибелью государству.

Потому имя этого гражданина дорого каждому русскому, и звучитъ оно въ русскихъ устахъ олицетвореніемъ любви къ Родинѣ и величія русской души. Л. К.

Курамъ на смѣхъ.

По С. Максиму.

Ни одно изъ домашнихъ животныхъ не представляетъ наибольшихъ поводовъ къ презрительнымъ насмѣшкамъ или унижительнымъ уподобленіямъ, какъ куриная порода, съ древнѣйшихъ временъ сдѣлавшаяся домашнею и очень полезною. Именно, женская половина этого вида, наиболѣе оказывающая куриныхъ услугъ людямъ, — вызываетъ самое большое количество насмѣшекъ.

Зато на курицу посыпались всякія насмѣшки. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ракъ — не рыба, такъ и курица — не птица: на примѣръ, всѣмъ птицамъ природа даетъ перья для полета, — а у ней они только для украшенія и при этомъ слабо прикрѣплены къ мягкой кожѣ и легко выщипываются. Короткія, круглыя и тупыя крылья тоже не для дальнихъ передвиженій. Несмотря на то, что издали слышенъ бываетъ шумъ куриныхъ перелетовъ, на самомъ дѣлѣ эти перелеты не больше хорошихъ скачковъ и забавны до смѣшного. Курица не дѣлаетъ гнѣздъ, а высиживаетъ яйца на голой землѣ, въ поразительное отличіе отъ прочихъ пернатыхъ. Куры боятся воды и забавляются только пыльными и песчаными ваннами. Онѣ бродятъ по двору и, обладая ненасытной прожорливостью, заботливо и хлопотливо ищутъ зерна, которыхъ имъ всегда мало. Потребованная невзначай темной ночью, онѣ начинаютъ шумѣть и кудахтать такъ, что не скоро затихаютъ. Когда пѣтухъ, найдя зерно, хочетъ имъ подѣлиться и расхвастается такъ, какъ будто онъ нашелъ цѣлую кучу зеренъ, — куры вѣрятъ ему: онѣ вдругъ схватывается съ мѣста, какъ шальныя, начинаютъ суетиться, а потомъ бѣгутъ, сломя голову, толкаются, сѣменятъ ногами, и подбѣжавъ, начинаютъ зря тыкать носами въ землю у ногъ своего повелителя.

Пѣтухъ, однако, пошутилъ: рассказывалъ, что просыпана цѣлая горсть, а на дѣлѣ оказалась лишь щепотка, и то смѣшанная съ камушками. И вотъ куры бредутъ вперевалку дальше, ничѣмъ не обнаруживая обиды, а хвастливый пѣтухъ тѣмъ временемъ успѣлъ взлѣзть на заборъ и воспѣлъ самъ себѣ хвалу такъ громко, что она слышна въ сосѣдней деревнѣ. Конечно, всѣ эти продѣлки очень забавны.

Именно эта забавная пѣтушина хвастливость и эта смѣшная куриная покорность уронила куриную породу во мнѣніи людей. Ничего не можетъ быть обиднѣе и унижительнонѣе сказать или сдѣлать на смѣхъ этимъ смѣшнымъ курамъ (совсѣмъ худо, или „курамъ смѣхъ“), какъ ничего не можетъ быть жалчѣе и, опять таки, въ то же время забавнѣе „мокрой курицы“.

Вялый въ работѣ, неповоротливый въ движеніяхъ челоуѣкъ, на котораго нечего и рассчитывать, обзывается, съ великой досады, этимъ самымъ унижительнымъ прозвищемъ „мокрой курицы“, потому что трудно представить что-либо непригляднѣе курицы, попавшей подъ дождь и не успѣвшей спрятаться подъ навѣсъ.

„Слѣпая курица“ есть тотъ челоуѣкъ, который безтолково тычется и суетится, разыскивая вещь, лежащую подъ самымъ носомъ. Если толпа на базарѣ или горожане на бульварѣ ходятъ долго и много, но безъ всякаго толка, — это они, „какъ куры“, бродятъ. Утлая избушка бабы-яги стоитъ не иначе, какъ на курьихъ ножкахъ: такая она нестроенная, что хуже ея не бываетъ. Кто попалъ въ бѣду нежданно и негаданно, тотъ попалъ „какъ куръ во щи“.

Впрочемъ, „что о томъ и говорить, что курицы не доить“.

Три дня молчанія.

Случай изъ жизни скаута.

I.

«Скаутъ звена «Волкъ» Михаилъ Дроздовъ допускается къ испытанію на званіе «опытнаго скаута» на слѣдующихъ условіяхъ: 1) провести одному трое сутокъ подъ открытымъ небомъ; 2) въ теченіе этого времени не произносить вслухъ ни одного слова; 3) останавливаться только для ночевки и въ случаяхъ крайней необходимости, проводя остальное время въ пути; 4) дѣлать каждыя сутки одно доброе дѣло».

ша, и, положивъ бумагу въ карманъ, прибавилъ шагу.

Солнце жгло немилосердно, и очертанія отдаленныхъ предметовъ дрожали въ накаленномъ воздухѣ, а небо, вверху такое синее и чистое, надъ горизонтомъ было застлано легкой дымкой.

Но вотъ и лѣсъ: пахнетъ распаренной сосной, и глазъ пріятно отдыхаетъ на темной зелени деревьевъ.

Вокругъ щебетаніе пташекъ и звонкіе переливы голосистой иволги. А сквозь

Рижскіе скауты въ лагерѣ.

Отдыхъ возлѣ палатокъ.

Это прочелъ про себя мальчикъ лѣтъ пятнадцати въ скаутскомъ костюмѣ и полномъ походномъ снаряженіи.

Яркій лѣтній день...

Поля, перелѣски, овраги, мгlistая голубая даль...

— Трое сутокъ... а сегодня лишь первыя начинаются, — подумалъ Ми-

заросли молодняка темнѣеть обрывъ, и дрожить серебро небольшой рѣчки.

Искушеніе велико, и черезъ минуту Миша уже въ водѣ. Вдоволь насладившись плаваніемъ, онъ ложится на спину и отдается спокойному теченію. Вдругъ онъ замѣчаетъ, что теченіе усиливается и начинаетъ его увлекать. Попытки сопротивляться не приводятъ ни

къ чему, и мальчикъ съ ужасомъ чувствуетъ, что его затягиваетъ въ глубину. Онъ пробуетъ достать дно, но безуспѣшно.

— Омуť, — мелькаетъ страшная мысль въ головѣ, — и Миша дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы вырваться изъ водоворота.

На его счастье, рѣчка неширока, и разбросанныя по ея берегамъ ивы мѣстами склоняются надъ самой серединой теченія. Ему удалось схватиться рукой за одну изъ нависшихъ вѣтвей и, держась за нее, благополучно достигнуть берега.

— Ну, и попалъ же я въ передѣлку, — думалъ Миша, одѣваясь. — Если бы не подвернувшаяся во-время вѣтвь, — замолчалъ бы я не только на трое сутокъ, а, пожалуй, и навсегда.

И, волоча за собой туго набитый мѣшокъ, онъ сталъ искать глазами подходящаго мѣста для отдыха.

II.

Было пять часовъ дня, когда Миша кончилъ обѣдать, и, вымывъ посуду, прилегъ въ тѣни ели.

Глухой раскатъ грома заставилъ его поднять глаза: надъ его головой проносились передовые отряды облаковъ, а за ними, закрывая солнце, медленно возпала на небо черная грозовая туча.

Мальчикъ быстро вскочилъ на ноги. Нѣсколько взмаховъ остраго ножа, — и ближайшая ель лишается нижнихъ сучьевъ. Самый большой изъ нихъ приставляется подъ угломъ къ дереву такъ, что его толстый конецъ попадаетъ въ разсѣлину ствола. Затѣмъ съ обѣихъ сторонъ къ этой основѣ прислоняются концами внизъ другія вѣтви, и шалашъ готовъ.

Едва Миша успѣлъ залѣзть въ шалашъ, какъ тяжелыя капли дождя зашлепали по землѣ и вѣтвямъ деревьевъ, и начался теплый лѣтній ливень. Духота сразу смѣнилась пріятной прохладой, и по землѣ потекли извилистые ручейки воды.

Прошло около часа; по ослабѣвающему шуму дождя можно было заключить, что гроза удаляется; но продолжать путь не имѣло смысла, такъ какъ до заката солнца оставалось всего два часа, и слѣдовало какъ можно лучше устроиться на ночлегъ. Поэтому, не теряя времени, Миша принялся за отысканіе подходящаго для этой цѣли мѣста. Скоро оно было найдено: на склонѣ невысокаго холма, недалеко отъ рѣчки, виднѣлось углубленіе. Очевидно,

Скауты въ лагерѣ.

Мытье посуды.

здѣсь когда-то была вырыта землянка. Теперь отъ нея сохранились лишь три полуосыпавшіяся стѣны.

Мальчику не стоило большого труда привести ее въ порядокъ и соорудить изъ крѣпкихъ сучьевъ прочный навѣсъ и четвертую стѣну, въ которой онъ оставилъ отверстіе для выхода.

Ночлегъ былъ обезпеченъ.

Вскипятивъ воду и напившись чаю, Миша усѣлся передъ костромъ и сталъ вспоминать, что онъ сегодня сдѣлалъ.

— Первый пунктъ, — провести все время подъ открытымъ небомъ, — я исполнилъ; второй и третій — также...

Но вотъ, что касается четвертаго, — тутъ дѣло обстоитъ хуже: сдѣлалъ ли я сегодня доброе дѣло, я, право, не знаю. Въ такомъ случаѣ мнѣ придется сейчасъ же двинуться въ путь на поиски добраго дѣла! — и онъ кинулъ взглядъ во мракъ ночи.

Вдругъ, оборвавъ свои размышленія, Миша вскочилъ съ мѣста, и, хлопнувъ себѣ по лбу, чуть не сказалъ вслухъ:

— Ну, и хорекъ же я безмозглый! вѣдь я совѣмъ забылъ, что еще утромъ я совершилъ доброе дѣло, убравъ съ дороги осколки битаго стекла.

На душѣ у Миши сразу отлегло, и съ чувствомъ удовлетворенія онъ улегся спать.

III.

На утро яркіе лучи солнца забрались въ убѣжище мальчика и заиграли на песчаной стѣнѣ землянки.

Со стороны рѣчки донесся веселый дѣтскій смѣхъ. Миша бросилъ туда взглядъ и увидѣлъ на противоположномъ берегу двухъ крестьянскихъ мальчиковъ. Старшему было лѣтъ девять, а другой былъ совсѣмъ малышъ. Оба, скинувъ одежду, толкали другъ друга въ воду, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился предательскій омутъ.

воду больше не полѣзуть...

Скоро ребятишки скрылись въ кустахъ. Постоявъ на берегу, Миша тоже двинулся въ путь.

IV.

По истеченіи назначеннаго срока, ровно черезъ трое сутокъ, Дроздовъ явился въ лагерь и предсталъ передъ скаутмастеромъ.

— А, это ты, Миша! Ну, садись, рассказывай свои приключенія!..

— Я не выдержалъ испытанія, Сергѣй Ивановичъ, — отвѣтилъ Миша, — я

Скауты въ лѣсу.

У шалаша.

— Да вѣдь они утонуть, — молніей мелькнуло въ головѣ Миши.

Онъ уже раскрылъ ротъ, чтобы предупредить ихъ объ опасности, но.. вовремя спохватился: вѣдь онъ далъ зарокъ молчанія! Между тѣмъ, мальчики были уже по колѣно въ водѣ; еще шагъ-два,—и они погибли!..

Ихъ можно остановить только крикомъ; на знаки они не обратятъ вниманія... И, рѣшившись, Миша закричалъ: — Стойте! эй, вы тамъ!.. куда вы идете?!..

Ребятишки остановились и, заслонившись рукой отъ солнца, посмотрѣли на кричавшаго.

— Скорѣй идите обратно!.. Въ этомъ мѣстѣ омутъ!.. Ну, живѣе, а не то водяной за ноги утащитъ!

Ребятишки недоувѣрчиво взглянули на скаута и нерѣшительно отступили, съ тревогой поглядывая на темную воду. Выйдя на берегъ, они торопливо натянули рубашонки, и Миша съ облегченіемъ вздохнулъ:

— Славу Богу!.. Навѣрное они въ

былъ вынужденъ нарушить молчаніе.— Имальчикъ пояснилъ, какъ это случилось.

Когда онъ кончилъ, скаутмастеръ молча вырвалъ изъ блокнота листокъ бумаги и, написавъ на немъ нѣсколько словъ, передалъ его Мишѣ.

— Отнеси-ка эту записку вожатому «Волкову»...

— Миша отыскалъ своего товарища:

— Вотъ тебѣ записка отъ Сергѣя Павловича!

Едва тотъ пробѣжалъ ее глазами, какъ завопилъ на весь лагерь:

— Ребята! скорѣй сюда!.. Мишку качать!..

— Да въ чемъ дѣло? — недоувѣвалъ Миша, — чего ты кричишь?

— Какъ же не кричать, когда ты получилъ «опытнаго скаута»? Не вѣришь? Ну, такъ читай: «Утверждается въ званіи опытнаго скаута Михайлъ Дроздовъ..»

— Теперь понялъ?.. Качать его, ребята!..

И Миша взлетѣлъ на воздухъ, подхваченный десятками рукъ окружившихъ его товарищей. **В. Приселковъ.**

Замѣчательный прыжокъ.

Пьеръ Людель, лучший прыгунъ Франціи во время рекорднаго прыжка въ высоту — 1,93 метра.

Гонки на саняхъ (бобахъ).

Въ февралѣ въ Шамониксѣ (Франція) состоится интересныя гонки бобслэдь, на которыхъ могутъ принять участие исключительно французскіе авіаторы, летавшіе во время великой войны. Спускъ на бобслэдь съ высокой горы съ 18-тью поворотами, по словамъ авіаторовъ, такъ же опасенъ, какъ петля или восьмерка на аэропланѣ. Благодаря исключительно холодной для Франціи зимѣ, предполагается устроить также гонки съ участіемъ представителей и другихъ странъ: Италіи, Бельгіи, Англии, Финляндіи и Швеціи.

Побѣда Франціи въ боксѣ.

Недавно въ Лондонѣ состоялось состязаніе въ боксѣ на государственное первенство между Франціей и Англией.

Со стороны Франціи выступалъ Эмилио Ромеріо, а со стороны Англии — Джонни Броунъ.

На восьмой схваткѣ французъ побѣдилъ англичанина.

Послѣднія футбольныя состязанія въ Прагѣ.

Два интересныя момента игры изъ партіи „Д. Ф. К.“ — „Спарта“, закончившейся счетомъ 2:2.

Что было выпущено в 1925 году?

Латвія. 4 новых марки в дополнение к существующей серии: 6 сантимовъ—свѣтло-зелен. на желтой бумагѣ, 15 сантимовъ — фиолетовая на мягко-оранжевомъ, 25 сант. — голубая и 30 сант. — лилово-розовая. Кроме того, выпущена 29 мая серия в память 300-лѣтія города Либавы в 6, 15, 25, 30 и 50 сантимовъ съ надбавкою к номинальной цѣнѣ в 6—10 сантимовъ.

Сов. Россія. Марки съ мавзолеемъ Ленина в 7, 14, 20 и 40 коп. (зубченныя и незубченныя). Марки прежняго рисунка (отъ 1 коп. до 5 рублей) выпущены съ водяными знаками. В июль 1925 года выпущены двѣ марки высокаго формата съ бюстомъ Ленина— в 5 и 10 рублей золотомъ. Затѣмъ выпущены двѣ марки в память 200-лѣтія Россійской Академіи Наукъ (в 3 и 15 коп.) и, наконецъ, двѣ марки съ проф. Поповымъ (7 и 14 коп.). В концѣ года была выпущена серия марокъ в память 1905 г. съ изображеніемъ революціонныхъ эпизодовъ.

Письмо, бывшее семь лѣтъ на почтѣ.

Въ портфель редакціи «Юнаго филателиста» имѣется любопытное письмо, которое было послано изъ Майоренгофа въ Мариенбадъ и пробыло около семи лѣтъ в пути.

Майоренгофъ тогда принадлежалъ Россіи, а Мариенбадъ — Австро-Венгріи. Письмо было послано (съ романовской маркой в 10 копеекъ) 15 іюля (старого стиля) 1914 года и, в виду объявленія войны между Россіей и Германіей, задержано военной цензурой в Дрезденѣ, о чемъ свидѣтельствуеетъ штампъ на конвертѣ (на нѣмецкомъ языкѣ): «Вскрыто военнымъ контролемъ по праву войны», Дрезденъ 2-го августа (20 іюля старого стиля) 1914 года. По заключеніи мира между Германіей и сов. Россіей, задержанная нѣмцами корреспонденція была возвращена въ Россію, а оттуда разослана по назначенію. Это

произошло в апрѣлѣ 1921 года. Поставленный въ Москвѣ штемпель гласитъ: «Москва, 12.4.21. 2 эксп.» Наконецъ, письмо дошло до Мариенбада, который оказался уже не австрійскимъ, а чешскимъ курортомъ, переименованнымъ въ «Марианскіе Лазни».

Разумѣется, лицо, которому было адресовано это замѣчательное письмо, давно успѣло уѣхать изъ Мариенбада, не сообщивъ своего адреса, и благодаря этому филателистическая рѣдкость стала достояніемъ коллекціонера.

Советы юнымъ коллекціонерамъ.

В. Б р — с ь (Рига) проситъ сообщить, считаются ли марки бракомъ и негодными для коллекціи, если у нихъ оторваны 1-2 зубчика. — Конечно, надо стараться пополнять коллекцію самыми отборными экземплярами, т. е. брать марки съ хорошей перфорацией (зубчищемъ), но если попадаетея рѣдкая марка, даже нѣсколько поврежденная, ее слѣдуетъ помѣщать въ коллекцію. Необходимо, однако, отмѣчать такія марки въ альбомѣ какимъ-нибудь условнымъ значкомъ, чтобы, когда попадется другая марка получше, замѣнить ею попорченный экземпляръ. Такимъ же значкомъ надо помѣчать вообще всѣ поврежденныя марки, нуждающіяся въ замѣнѣ болѣе хорошими экземплярами. Бываютъ въ коллекціяхъ марки «тонкія», т. е. съ поврежденнымъ при склеиваніи слоемъ бумаги на оборотной сторонѣ; попадаютъ также марки, поврежденныя при штемпелеваніи (пробитыя и т. п.), или просто слишкомъ грязно заштемпелеванныя. Ихъ надо, по возможности, замѣнить другими, по мѣрѣ полученія дублетовъ. Вообще аккуратный коллекціонеръ, получая даже марку, которая у него завѣдомо имѣется, свѣряетъ новый экземпляръ съ тѣмъ, который наклеенъ въ альбомѣ, и отбираетъ лучшій, а также замѣчаетъ при этомъ всѣ особенности и отличія. Объ этихъ отличіяхъ и особенностяхъ — въ другой разъ.

Игры и занятія.

Шарикъ, отвѣчающій на вопросы.

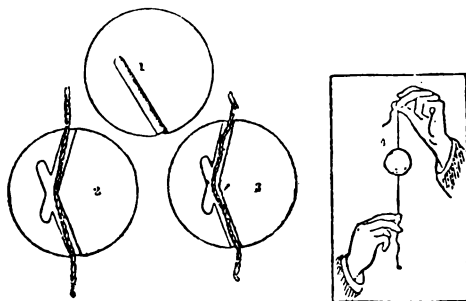
Одна изъ интереснѣйшихъ игрушекъ, это шарикъ, умѣющій считать и отвѣчать на вопросы. Для людей, не знающихъ тайны его фабрикаціи, это кажется, дѣйствительно, волшебствомъ. Между тѣмъ любой можетъ доставить много удовольствія и себѣ, и своимъ друзьямъ, если онъ смастеритъ такой шарикъ и будетъ показывать его, конечно, набивъ сначала хорошенько руку въ искусствѣ продѣлывать это чудо. Прежде всего слѣдуетъ достать деревянный шарикъ, какой угодно величины, лишь бы не черезчуръ ужъ маленькій. Самое лучшее было бы взять шарикъ такой величины, какъ шарикъ для крокета.

Но какой бы величины онъ ни былъ, онъ долженъ быть сдѣланъ изъ дерева. Первое, что слѣдуетъ сдѣлать, это отмѣтить на поверхности шарика два пункта, прямо противоположныхъ одинъ другому. Почти во всѣхъ деревянныхъ шарахъ имѣются уже два такихъ пункта, сдѣланныхъ тѣми, кто точилъ шаръ. Потомъ нужно взять буравчикъ и продѣлать дырку внутри шара. На рисункѣ 1-мъ показано, какъ должна быть сдѣлана дырка: не въ направленіи къ центру шара, а слегка въ сторону. Для этого должно быть пробуровано болѣе длинное разстояніе, чѣмъ отъ поверхности къ центру.

Теперь слѣдуетъ пробуровать еще одну дырку, начиная съ противоположнаго пункта. Это единственная трудность во всемъ дѣлѣ, потому что вторая дыра должна быть пробурована такъ, чтобы скреститься въ первой. Такимъ образомъ у насъ получается каналъ, проходящій сквозь шаръ, но не по прямой, а по ломаной линіи. Слѣдующія два изображенія 2 и 3 показываютъ, какъ долженъ выглядѣть этотъ каналъ, если бы мы распилили шаръ прямо черезъ центръ. Но мы этого, конечно, не сдѣлаемъ, и рисунки приведены лишь для того, чтобы дать понятіе о томъ, какъ, приблизительно, долженъ быть сдѣланъ каналъ.

Теперь мы продѣнемъ черезъ каналъ веревочку, и для того, чтобы шаръ не соскальзывалъ съ нея совсѣмъ, придѣлаемъ къ обоимъ концамъ веревочки пуговочки. Послѣ этого, если мы возьмемъ въ руки веревочку съ шарикомъ и будемъ держать ее такъ, какъ на

рисункѣ 4, т. е. сильно натягивая веревочку, то мы замѣтимъ, что шарикъ останавливается на томъ пунктѣ веревочки, на которомъ намъ желательно его остановить. Если чуть-чуть ослабить направление веревочки, шарикъ начинаетъ скользить внизъ и, вновь натягивая веревочку, его можно вновь остановить. Шарикъ можно задавать вопросы. Держите веревочку очень ту-

го, такъ, чтобы шарикъ находился на самомъ веру. «Шарикъ, сколько составляютъ вмѣстѣ два и три?» спрашиваете вы; и вмѣсто отвѣта шарикъ спускается на пять коротенькихъ шажковъ внизъ. Понятно, это вы заставляете его поступать такъ, стягивая и ослабляя напряженіе веревочки по собственному желанію. Затѣмъ вы говорите: «Шарикъ, я хочу задать тебѣ кой-какіе вопросы, отвѣчай: если да — подвинься на одинъ шагъ, если нѣтъ — на два».

Послѣ этого вы можете задавать какіе угодно вопросы, а шарикъ, конечно, будетъ отвѣчать на нихъ, если вы будете сами управлять имъ. Нѣкоторый навыкъ дастъ возможность управлять шарикомъ такъ, чтобы никто не замѣтилъ, какъ это дѣлается.

Свѣча, горящая въ водѣ.

Тотъ, кто можетъ доказать, что свѣча сгоритъ у него и въ водѣ, среди товарищей несомнѣнно прослышетъ волшебникомъ.

Для опыта берется свѣча и въ нижній конецъ ея втыкается гвоздь, который долженъ быть настолько великъ, чтобы могъ удерживать свѣчу въ вертикальномъ положеніи, но при этомъ

фитиль долженъ быть непремѣнно подѣ водокъ.

Сначала, конечно, надо установить свѣчу такъ, чтобы она стояла на днѣ сосуда и тогда можно зажечь фитиль. Зрители будутъ съ напряженіемъ ждать той минуты, когда свѣча сгоритъ до того, что фитиль очутится въ водѣ, и огонь погаснетъ.

Но этого не случится.

Свѣчка будетъ, правда, становиться короче, но въ то же время и легче, и, поднимаясь понемногу наверхъ, она концомъ фитиля будетъ находится надъ поверхностью воды и не погаснетъ.

Почта.

Каждый изъ играющихъ выбираетъ себѣ названіе какого-нибудь города. Путешественникъ спрашиваетъ кого-либо изъ участниковъ, куда ему направить свой путь.

Отвѣтъ: изъ Петербурга въ Москву; и въ это время выбравшіе эти два города должны быстро обмѣняться мѣстами.

Путешественникъ же стремится занять одно изъ этихъ мѣстъ. Тотъ, кто остался безъ мѣста, становится путешественникомъ.

Игра въ адвоката.

Общество садится въ кругъ, а посреди круга находится одинъ изъ играющихъ, ведущій игру.

Онъ заговариваетъ время отъ времени съ кѣмъ-нибудь изъ сидящихъ.

Но тотъ, къ кому онъ обращается, не имѣетъ права самъ отвѣчать подѣ угрозою уплаты фантъ.

Вмѣсто него долженъ отвѣчать его адвокатъ, а именно сосѣдъ съ лѣвой стороны, который, въ случаѣ ошибочнаго отвѣта, платитъ фантъ.

Если же спрашивающій не замѣчаетъ ошибку, то и съ него берется фантъ.

Волкъ.

Волкъ, одинъ изъ играющихъ, отходитъ на одну сторону комнаты и прячется подѣ столомъ, подѣ стульями или другой мебелью. Овцы пасутся на одномъ концѣ комнаты, а пастухъ становится на другой конецъ. Вдругъ онъ кричитъ овцамъ: «Пойдемте домой, почъ наступаетъ». — «Мы боимся волка», отвѣчаютъ овцы. — «Волкъ ушелъ», кричитъ пастухъ. Тогда овцы стараются перебѣжать къ пастуху на другой конецъ комнаты, но тутъ выскакиваетъ изъ своего логовища волкъ и ловитъ

какую-нибудь изъ нихъ. Игра длится до тѣхъ поръ, пока не остается ни одной овцы.

Игра въ прятки безъ прятковъ.

Одинъ изъ играющихъ долженъ мысленно выбрать себѣ мѣстечко, гдѣ бы спрятаться. Остальные начинаютъ отгадывать, предлагая ему различнаго свойства вопросы. Когда кто-нибудь отгадаетъ, онъ самъ долженъ прятаться въ свою очередь. Въ этой игрѣ мѣстомъ для прятковъ можетъ быть: улица въ Москвѣ, Лысая гора и пр. Каждый участвующій можетъ предлагать всевозможные вопросы относительно характера и свойства этого мѣста, но такъ какъ отвѣчать ему можно только да и нѣтъ, то отгадывающему придется долго возиться, пока онъ угадаетъ. Поэтому его вопросы должны быть таковы, чтобы задача стала менѣ трудной, на примѣръ, нужно спрашивать: далеко ли это мѣсто отсюда, высокое оно, или низкое и т. д.

Охота за кольцомъ.

Въ этой игрѣ дѣти становятся такъ, чтобы образовать кругъ, и въ серединѣ круга становится тотъ, кто долженъ искать кольцо. Въ кольцо продѣвается тоненькая веревочка, концы которой послѣ завязываются. Каждый изъ играющихъ держитъ эту веревочку руками, и одинъ долженъ передавать другому кольцо такъ, чтобы стоящій въ серединѣ охотникъ не замѣтилъ этого.

Кольцо надо прятать отъ охотника и передавать по сосѣдству, стараясь выбрать для этого такой моментъ, когда охотникъ смотритъ въ другую сторону. Все время оставлять кольцо на одномъ мѣстѣ нельзя. Когда охотникъ находитъ его, тотъ, въ чьей рукѣ оно было найдено, становится, въ свою очередь, охотникомъ.

Кошка въ углу.

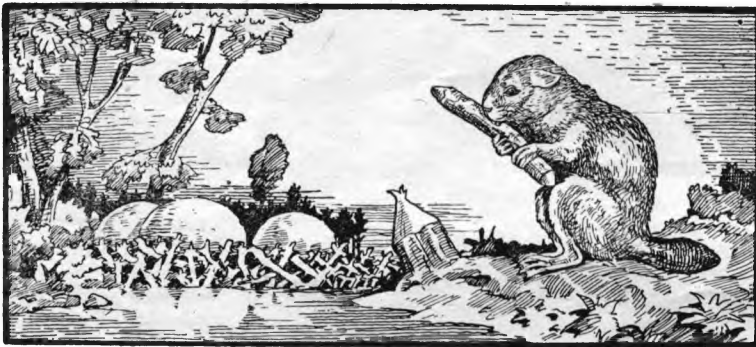
Въ этой игрѣ всѣ дѣти изображаютъ мышей, кромѣ одного, изображающаго кошку. Кошка становится посреди комнаты. Мышки разставляются по угламъ. Пока онъ по угламъ, кошка не имѣетъ права ихъ трогать, но когда онъ разбѣгается по комнатѣ, чтобы помѣняться другъ съ дружкой углами, кошка можетъ схватить какую хочеть. Не слѣдуетъ ни одной мышкѣ выбѣгать изъ угла до тѣхъ поръ, пока она не подастъ знака другой мышкѣ, что хочеть помѣняться съ ней углами.

Обо всемъ понемногу.

Бобры.

По послѣднимъ сообщеніямъ изъ Америки, въ штатахъ Леэкъ и Нью-Джерсей появились цѣлыя колоніи бобровъ, которые въ послѣднемъ изъ выше-названныхъ штатовъ вывелись уже болѣе 100 лѣтъ тому назадъ. Очевидно, бобры спустились съ горъ, гдѣ 30 лѣтъ тому назадъ устроили удобные для нихъ пруды, чтобы предупредить окончательное вымирание этого, все рѣже и рѣже встрѣчающагося, вида грызуновъ.

инженеровъ изъ животнаго царства. Своими острыми и крѣпкими зубами они кольцеобразно подтачиваютъ растущія на берегу деревья, и, когда деревья сваливаются, бобры снимаютъ вѣтви, перегрызаютъ на куски стволы, кладутъ ихъ поперекъ рѣки, слѣпляютъ иломъ и укрѣпляютъ камнями, которые приносятъ со дна или съ берега. Когда плотина выстроена, и вода начинаетъ заливать берега, бобры получаютъ

Бобръ за работой.

Теперь бобры водятся, кромѣ Сѣверной Америки, лишь въ Сибири и, очень мало, въ средней Европѣ.

Бобръ — большое неуклюжее животное съ красивымъ коричневымъ мѣхомъ и смѣшнымъ широкимъ плоскимъ хвостомъ, покрытымъ черной чешуей. Хвостъ служитъ бобру рулемъ при плаваніи и подпоркой при работѣ. На заднихъ лапахъ у бобра—плавательная перепонка. Бобры отлично плаваютъ и живутъ исключительно у рѣкъ или ручьевъ, гдѣ подъ водой роютъ себѣ норы. Тамъ, гдѣ низменные песчаные берега не даютъ возможности рыть норы, бобры сооружаютъ домики въ видѣ опрокинутыхъ наперстковъ, возвышающихся на 2—3 фута надъ водой. Входъ въ эти домики устраивается тоже подъ водой. Такъ какъ лѣтомъ рѣки часто мелѣютъ, и при этомъ могутъ обнажиться норы бобровъ, то они строятъ плотины, чтобы помѣшать водѣ течь дальше. И тутъ-то сказывается все мастерство этихъ

доступъ къ деревьямъ, отстоящимъ дальше отъ берега, потому что имъ удобнѣе переправлять стволы по водѣ, чѣмъ по сушѣ. Бобры работаютъ исключительно по ночамъ и съ поразительной быстротой. Теперь въ штатѣ Леэкъ они, выстроивъ плотину, затопили предназначенную для другихъ цѣлей землю, что заставило жителей разрушить часть плотинъ, но бобры сразу же принялись за починку плотинъ. Дѣлать пробоины въ плотинѣ, воздвигнутой бобрами, бесполезно, такъ какъ эти неутомимые труженики въ одну ночь чинятъ поврежденія. Бобры, которые водятся въ Америкѣ, отличаются особой строительной способностью. Интересно, какъ будутъ американцы бороться съ этимъ оригинальнымъ врагомъ, противъ котораго запрещено употреблять оружіе, и неутомимость котораго при достиженіи желанной цѣли побѣждаетъ энергію самаго выносливаго янки.

Самый крупный лосось.

Лосось этотъ пойманъ недавно въ рѣкѣ Драмменъ, у водопада Хеллефосъ въ Норвегій. Онъ вѣсилъ 34 килограмма. Длина его—1, 60 метра. Диаметръ по серединѣ тѣла — 0, 88 метра.

„Танецъ демоновъ“ въ Южной Африкѣ.

У очень многихъ народовъ и до сихъ поръ сохранилась вѣра въ злыхъ духовъ, которые якобы могутъ причинить много вреда. Особенно это суевѣріе наблюдается у малокультурныхъ народовъ. Обыкновенно дикари, чтобы спасти себя отъ козней дьявола, стараются умиловить его жертвами.

Но макаки — карликовое племя въ Южной Африкѣ — пытаются, наоборотъ, перехитрить злыхъ духовъ тѣмъ, что сами выдаютъ себя за таковыхъ. Когда, по ихъ мнѣнію, имъ грозитъ опасность отъ нечистой силы, они наряжаются во всякое тряпье и лохмотья, чтобы выглядѣть поужаснѣе, а къ лицамъ привязываютъ страшныя маски и начинаютъ съ воемъ и визгомъ кружиться въ дикой пляскѣ, которая, по ихъ мнѣнію, должна испугать самого чорта.

„Святылища“ для животныхъ.

Въ Южной Австраліи образовалось общество любителей природы, цѣль котораго охранять дикихъ животныхъ и птицъ отъ жестокости охотниковъ и лицъ, считающихъ себя спортсменами. Это о-во устроило на островѣ Кенгуру „святылище“ для исчезающихъ породъ звѣрей и птицъ; преимущество этого острова заключается въ томъ, что на немъ нѣтъ ни кроликовъ, ни лисицъ. Другое мѣсто съ большимъ количествомъ озеръ любители природы обратили въ „святылище“ для птицъ; тамъ водятся, главнымъ образомъ, дикія утки и пеликаны и, въ продолженіе 6 мѣсяцевъ, перелетныя птицы изъ Сибири.

Это желаніе сохранить природу распространяется по всей Австраліи, такъ какъ и тамъ цивилизація постепенно убиваетъ природу. Въ Америкѣ, гдѣ еще больше надо опасаться вымиранія рѣдкихъ породъ животныхъ и пернатыхъ, во многихъ мѣстахъ устроены „святылища“, огороженныя рѣшетками.

Въ Чикаго святылище для птицъ представляетъ собой дикій лѣсъ; автомобилямъ доступъ туда запрещенъ, и никто не имѣетъ права трогать обитателей этого лѣса, такъ что они теряютъ всякій страхъ, и даже самыя пугливыя птицы подпускаютъ къ себѣ людей совсѣмъ близко.

Представленія по радіо.

Одна американская радіо-станція даетъ возможность радіо-абонентамъ слушать драму, сидя у себя дома, причемъ, благодаря различнымъ звуковымъ трюкамъ, публика можетъ даже представить себѣ дѣйствіе. Для достиженія требуемыхъ эффектовъ, около радіо-аппарата звонятъ въ звонки, трубятъ въ рожки, ударяютъ въ барабанъ, въ кастрюли, льютъ въ ванну воду и т. п. При передачѣ пьесы «Опасность», дѣйствіе которой происходитъ въ шахтахъ, для того, чтобы голоса звучали, какъ въ пустомъ пространствѣ, артисты говорятъ въ корзины изъ папье-маше. Для того, чтобы изобразить заливающую шахты воду, на край ванны льютъ изъ бутылки воду; чтобы представить, какъ избавители прочищаютъ себѣ въ шахты дорогу, изъ одного мѣшка въ другой пересыпаютъ уголь. Эти простые приемы заставляютъ публику ярко представлять себѣ драму въ шахтахъ.

Фотографіи по радіо.

Американское радіо-общество приступило къ передачѣ фотографій при помощи радіо изъ Нью-Йорка черезъ Санъ-Франциско на Гавайскіе острова.

Горилла въ Америкѣ.

Передъ Рождествомъ америкашамъ былъ преподнесенъ рѣдкій сюрпризъ. Изъ Африки была доставлена въ Соединенные Штаты первая молодая горилла, которая сдѣлалась достопримѣчательностью Нью-Йоркаго зоологическаго сада. До сихъ поръ живую гориллу имѣлъ только Лондонскій зоологическій садъ, нажившій на ней цѣлое состояніе. Снимокъ изображаетъ гориллу въ моментъ прибытія въ американскій портъ.

Величайшій телеграфный кабель.

Въ настоящее время черезъ Атлантическій океанъ прокладывается новый телеграфный кабель, который по своей величинѣ превзойдетъ всѣ существовавшіе доселѣ кабели. На него употреблено болѣе 4 милліоновъ пудовъ мѣди, 80000 пудовъ гуттаперчи и такое количество стальной проволоки, что ее можно было бы три раза обвить вокругъ земного шара. По этому кабелю можно будетъ передавать 40,000 буквъ въ минуту.

По буквѣ закона.

Въ Вашингтонѣ на 16-ой улицѣ, на которой только что ввели автоматическій электрической способъ контроля движенія, и по которой разрѣшено

ѣздить лишь автомобилямъ, — вдругъ въ густомъ туманѣ показался экипажъ. Полицейскій остановилъ его и указалъ кучеру на надпись на улицѣ. Изъ экипажа высунулся господинъ и сказалъ: «Запрещено ѣздить лошадямъ, а мы ѣдемъ въ экипажѣ, который везетъ мулъ. Ѣдемъ дальше!»

Полицейскому пришлось пропустить придравшагося къ буквѣ закона господина.

Памятникъ собакѣ.

Мѣсяцъ тому назадъ въ Центральномъ паркѣ въ Нью-Йоркѣ воздвигнутъ памятникъ собакѣ.

Собаку эту зовутъ Балто. Годъ тому назадъ, благодаря ей, городъ Номе (въ Аляскѣ) избавился отъ эпидеміи дифтерита, грозившей уничтожить всѣхъ жителей города.

Зимой городъ Номе совершенно отрѣзанъ отъ всего міра: нельзя ни подѣхать къ нему, ни даже долетѣть на аэропланѣ (морозы стоятъ такіе ужасные, что масло въ моторѣ аэроплана замерзаетъ).

Когда вспыхнула эпидемія дифтерита, въ городѣ не хватило противодифтеритной сыворотки, и население оказалось беззащитнымъ передъ ужасной болѣзью.

По радіо-телеграфу былъ посланъ міру вопль о спасеніи. Однако никто не могъ придумать способа, какимъ бы можно было доставить драгоценную сыворотку въ городъ, обреченный на вымирание.

Нашелся одинъ храбрецъ — канадецъ Гуннаръ Касонъ, который рѣшилъ обратиться къ городу Номе со своей собакой Балто и попытаться доставить противодифтеритную сыворотку.

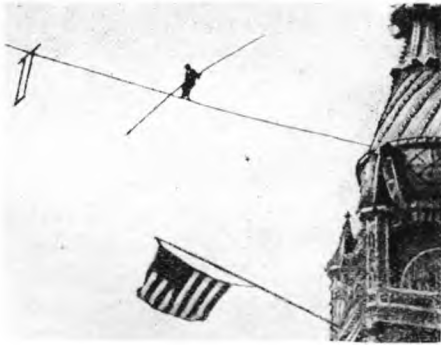
Несмотря на множество тяжелыхъ испытаній и приключеній, угрожавшихъ жизни, Касонъ добрался до Номе, а его спутникъ — собака Балто — довезла туда драгоценный грузъ — сыворотку.

Касонъ заявилъ, что только благодаря Балто, ея энергіи и неутомимости, ему удалось выполнить задачу.

Сыворотка быстро прекратила эпидемію. Собака Балто стала знаменитостью.

На открытіи памятника въ Нью-Йоркѣ присутствовали Касонъ и Балто. Газеты передаютъ, что Балто былъ смущенъ суматохой, царившей на открытіи его памятника, но самъ памятникъ не произвелъ на него никакого впечатлѣнія.

Очевидно, не въ примѣръ людямъ, Балто не тщеславенъ.

Безстрашный акробатъ.

Недавно въ Чикаго при громадномъ стеченіи публики одинъ цирковой артистъ продѣлалъ слѣдующій акробатическій номеръ. Между башнями двухъ небоскребовъ была натянута стальная проволока, къ срединѣ которой подвѣсили трапецію. Смѣлый артистъ надѣлъ на ноги корзину безъ дна и съ шестомъ въ рукахъ добрался до трапеціи, на которой продѣлалъ рядъ смѣлыхъ упражненій, а затѣмъ благополучно вернулся на башню небоскреба.

Признательный торговецъ.

Въ одномъ американскомъ городѣ владѣлецъ конфетной лавки, негръ, завѣщаль 100.000 долларовъ школамъ этого города. такъ какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ школьники обмѣнивали у него мѣдяки на сладости, и такимъ образомъ дали ему возможность разбогатѣть. Въ завѣщаніи благодарный негръ высказываетъ пожеланіе, чтобы дѣти воспользовались плодами его трудовъ.

Воздушная экспедиція.

Воздушная экспедиція составителей географическихъ картъ, произведя 1000 снимковъ надъ границей между Канадой и Соединенными Штатами, вернулась въ Вашингтонъ; многія мѣста Канады были посѣщены впервые. Экспедиція пролетѣла въ 6 недѣль 8000 миль на аэропланѣ, приспособленномъ для спуска и на сушу, и на воду. Поѣздка была совершена при температурѣ 10—72 ° ниже нуля, такъ что аппаратъ иногда замерзалъ по ночамъ.

Юморъ.

- Дайте закурить!
- Изволь.
- Но я не могу достать.
- Ну, такъ подрасти немного.

Большой конкурс журнала „Юный Читатель“ на премию, стоимостью свыше 100 латв (5.00 руб.).

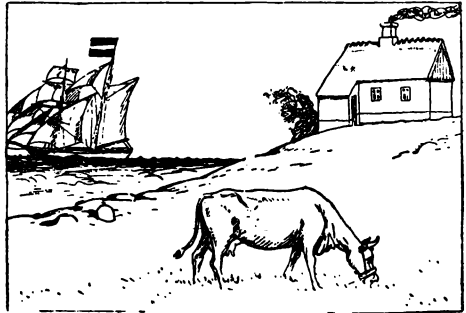
(Подробности о премиях смотр. въ отдѣлѣ объявленій).

3 серия задачъ:

Задача № 10.

Задача № 11.

Рисунки разбѣяннаго художника.

Какія неправильности допустилъ художникъ на этихъ рисункахъ?

Задача № 12.

Крестъ-накрестъ.

1.	2.	3.	■	4.	5.	6.
	■		■		■	■
7.		8.	9.		■	10.
	■	11.	■		■	12.
13.	14.	■	15.	16.	■	17.
■	■	18.		■	19.	■
20.		■	21.	22.	■	23.
	■	■	■	■	■	■
25.		■	26.	27.	28.	■
	■	30.	■	■	■	31.
32.			■	33.		

Знаки Ъ, Ь опущены; Ъ и Э замѣнены буквой е.

Значеніе словъ въ вертикальномъ направленіи:

1. Страна.
2. Нота.
3. Цвѣтокъ.
4. Кровельный матеріалъ.
5. Мѣстоименіе.
6. Обыватели государства.
9. Порода полулягвѣ.
11. Водное пространство.

12. Мебель.
15. Видъ спорта.
16. Городъ городовъ.
20. Названіе мѣсяца.
22. 4840 кв. ярдовъ.
24. Арестантъ.
27. Ъда.
28. Притокъ Волги.
30. Удѣлъ грѣшниковъ.
31. Обрывъ.

Значеніе словъ въ горизонтальномъ направленіи:

1. Библейскій городъ.
4. Явленіе природы.
7. Восклицаніе.
8. Каменная крутъ.
10. Мужское имя.
13. Рѣчное животное.
15. Городъ Могилевской губ. (Читай Сенкевича).
17. Лѣчебное средство.
18. Нарѣчіе.
19. Многострадальный человекъ.
20. Старшина въ Персіи и Турціи.
21. Громкая ссора.
23. Охотничій терминъ.
25. Въ нотахъ.
26. Норый звѣрекъ (arctomys bobac).
29. Мѣстоименіе.
32. Средство передвиженія.
33. Лихой наѣзникъ.

Ъ въ незачерненныхъ квадратахъ размѣстить по буквѣ, чтобы получалось при чтеніи въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіяхъ по 18 словъ

Задача № 13.

Въ чемъ ошибка?

Для одной изъ научныхъ статей Святочного номера журнала „Юный Читатель“, вышедшаго передъ Рождествомъ, были даны три иллюстраціи. Двѣ изъ нихъ удалось помѣстить, какъ того хотѣлъ редакторъ журнала, но третью иллюстрацію пришлось для экономіи мѣста на страницѣ помѣстить бокомъ. Какая это иллюстрація, и какъ бы ее слѣдовало помѣстить?

Къ задачь № 9 (см. прошлый № журнала) „Петеру и Пингу“, Рѣжица, и мн. другимъ. Въ бочекѣ было больше 8 штофовъ вина, т.-е. достаточно, чтобы наполнить оба кубка сразу. При правильномъ рѣшеніи задачи въ конечномъ результатѣ должно оказаться въ каждомъ кубкѣ ровно столько по одному штофу. Пользоваться какимъ-либо вспомогательнымъ сосудомъ нельзя. Но можно пить вино, можно выливать его на землю и наконецъ можно переливать обратно въ бочку. Теперь рѣшите?

Вниманію участниковъ конкурса.

Редакція при всемъ желаніи не можетъ отвѣчать на запросы о томъ, правильно ли рѣшены тѣ или иныя задачи.

Рѣшенія задачъ будутъ напечатаны въ журналѣ только по истеченіи мѣсячнаго срока послѣ напечатанія 6-ой (последней) серіи задачъ. Это дастъ возможность принять участіе въ конкурсѣ нашимъ читателямъ въ Латвіи и за границей, которые получаютъ журналъ въ руки позже, чѣмъ рижане.

Такимъ образомъ и рѣшенія задачъ **всѣхъ серій** могутъ доставляться редакціи и послѣ истечения указанныхъ ранѣе сроковъ, **вплоть до окончанія нашего большого конкурса.**

Отвѣты могутъ посылаться по мѣрѣ рѣшенія задачъ, или же **всѣ сразу (всѣхъ серій)**. Необходимо только, чтобы были къ **каждой серіи** приложены соотвѣтствующіе талоны (всего 6 талоновъ).

Редакція.

Почтовый ящикъ „Юнаго Читателя“.

Молодымъ поэтамъ и художникамъ. Въ слѣдующемъ (4-мъ) номерѣ „Юн. Чит.“ редакция открываетъ постоянный отдѣлъ „Карандашъ и перо“, въ которомъ будутъ помѣщаться рассказы (небольшіе), стихи и рисунки читателей. Адресовать материалъ слѣдуетъ на имя редакціи: Рига, Вальдемарская ул. № 63, редакція журнала „Юный Читатель“, отдѣлъ „Карандашъ и перо“.

Митѣ Г-ру. Вы пишете, что не можете рѣшить задачи въ домино за отсутствіемъ домино. Но игру въ домино легко сдѣлать изъ картона, нарѣзавъ его правильными прямоугольниками и намѣтивъ очки чернилами, или карандашомъ.

Многимъ. Не торопитесь съ присылкой рѣшеній задачъ по конкурсу, такъ какъ срокъ присылки продленъ до конца конкурса (см. оповѣщеніе въ отдѣлѣ „Конкурсъ“).

З. Б. Святочный номеръ нашего журнала можно выписать изъ конторы (Рига, Вальдемарская ул. 63). Для Латвіи цѣна съ пересылкой 50 сантим., которые можно высылать почтовыми марками.

Лидѣ С., Колѣ Правдину, Ив. Савичу. Со слѣдующаго номера въ журналѣ „Юный Читатель“ будутъ печататься руководства къ собиранію и коллекціонированію растений, насѣкомыхъ и минераловъ, такъ что не торопитесь приобретать книги по этимъ вопросамъ.

И. Вилутису. Ковно. Присылайте, но только оригинальныя вещи.

С. Никифорову. Бѣлградъ. Можете передать всемъ участникамъ конкурса, чтобы они не боялись опоздать съ отвѣтами. Разстояніе и задержка въ доставкѣ будутъ приняты во вниманіе.

Большой конкурс

Большой конкурс

ЖУРНАЛА

„Юный Читатель“

5.000 р.

на главную премию цѣнностью въ

5.000 р.

СТО ЛАТЪ

за лучшее рѣшеніе задачъ, помѣщаемыхъ въ ближайшихъ номерахъ „Юнаго Читателя“, начиная съ январскаго номера.

Первая ПРЕМІЯ на выборъ:

„Стабиль“ № 53, ИНЖЕНЕРЪ-СТРОИТЕЛЬ. большой ящикъ фирмы Вальтеръ марка „Stabil“ № 53.

Большой ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ. новѣйшаго образца съ сильнымъ объективомъ и картинами.

Полный наборъ для художника. Большой ящикъ съ полнымъ наборомъ красокъ лучшей фирмы съ принадлежностями.

Стѣнный ящикъ съ полнымъ наборомъ инструментовъ для столяра.

‘Большая готовальня для чертежника.

Въ числѣ другихъ премій: **Стѣнные часы, вѣрно идущіе**, которые каждый самъ можетъ разобрать и снова собрать. Строительные ящики „Стабиль“ и „Мерклинъ“. Домашнія типографіи. Электрическ. игра „Сатурнъ“. Игрушки. Книги.

Преміи можно видѣть въ магазинѣ „ПЕСТАЛОЦЦИ“

Рига, уг. Ратушной пл. и Известковой ул. № 15.

25

интересныхъ задачъ на конкурсъ

25

Въ каждомъ номерѣ „Юнаго Читателя“ помѣщаются въ отдѣлѣ конкурса I задача „Крестъ-накрестъ“ и по двѣ загадочныхъ картинки, а кромѣ того по 1—2 другихъ интересныхъ задачи.

5.000 р.

Первая премія
стоимостью

100 латъ

5.000 р.

будетъ присуждена нашему читателю, своевременно рѣшившему всѣ задачи, или наибольшую ихъ часть.

ДЕСЯТЬ ПРЕМІЙ

будутъ распределены между участниками конкурса по числу прислан. ими рѣшеній. Въ случаѣ, если всѣ или большинство задачъ будутъ рѣшены нѣсколькими лицами, премія присуждается по жребію.

Требуйте во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ кіоскахъ журналъ для семьи и для юношества „Юный Читатель“.

Цѣна отдѣльнаго номера 50 сант. (25 р.)

? Что подарить моему ребенку ?

**Новѣйшія, полезныя
занятія и игры**

для дѣтей всѣхъ возрастовъ

Вы найдете въ институтѣ учебныхъ пособій

„Песталоцци“

Уголь Известковой и Ратушной пл. № 15

Талонъ 3-ей серіи большого конкурса „ЮНАГО ЧИТАТЕЛЯ“

Имя и фамилія

Адресъ

Безъ приложенія талона рѣшенныя задачи не разсматриваются.

ИЗДАНИЯ

Акционерного Общества
Печатного Дѣла

«САЛАМАНДРА»

Бл. Кузнечная ул. № 43.

Учебники Н. В. Кузнецова:

- 1) **Практ. курс русск. правописанія с самодиктантами,**
2-ое издание 1.—
в папке — 1 лат 20 с.
- 2) **Элемент. курс русск. грамматики с самодиктантами**
(этимология и синтаксис для 2 и 3 кл. осн. школ)
2 ое переработ. издание 1.30
- 3) **Настольн. Хрестоматія с элемент. сведен. по родино-**
веден. (1 книга после букваря) 1.70
- 4) **Настольн. Хрестоматія, 2 часть — для 2 и 3 кл. осн. шк.** 1.90
- 5) **Новый иллюстриров. сборник упражненій в письмен.**
изложении мыслей в связи с элементарн. сведениями
из синтаксиса. Выпуск I, — для дошкольн., I-го и
II-го класса основной школы 1.30
- 6) **То же, II-ой выпуск для 3-го и 4-го клас. осн. школы** 1.60
- 7) **Пособіе к сознат. чтенію научных и художеств.-литер.**
произведений. Контрольная тетрадь для внеклассн.
чтенія и для изучения индивидуальн. учащихся . . . —.40
- 8) **Новые сборники арифм. задач; вып. I.—цена 1 лат 30**
сант., вып. II.— 70 сант, вып. III.— 1 лат., вып. VI. и
V.— по 1 лат. 50 сант.
- 9) **Сравнит. таблицы мер и весов (с образцами вычислений)** —.70

Сборникъ юриск. мнв. юст. П. П. Якоби и Элерсъ.
Законы о печати, о зрѣлищахъ, о политич. организац.,
собраніяхъ, о борьбѣ съ пьянствомъ и др. 2.50

Vecmāmulas pasakas, Rob. Bērziņa: Ilustrejis A. Drekslers. 2.—
Кроме того в издании автора Н. В. Кузнецова вышли
учебники по арифметике.

Внимание!

Бруно Брековъ Сарайная 6

Для дѣтей **игрушки и игры** для всѣхъ
время года

Для взрослых ?

Убѣдитесь сами!!!

Юные покупатели халвы

покупаютъ халву марки греческ. фабрики

Бр. И. и Н. Манкосъ

КАЖДЫЙ КУСОКЪ ХАЛВЫ СНАБ-
ЖЕНЪ КЛЕЙМОМЪ НАШЕЙ ФИРМЫ.

Адресъ фабрики:

Рига, Гоголевская ул. 7-а, тел. 65-12.

Юный покупатель!

Изъ конфетъ и шоколада
покупай только обозначен-
ное маркой

„Лайма“

Складъ и магазинъ Ръзницная 9.

Богатый выборъ

Конфетъ,

Шоколада, карамели

и т. д.

Школьники!

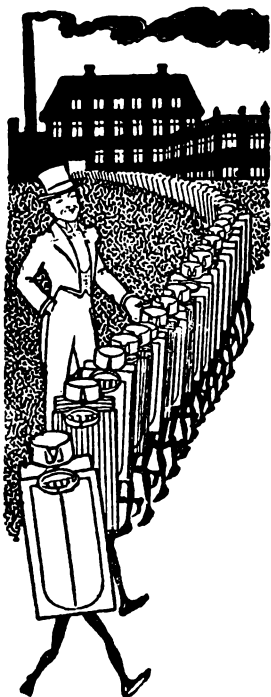
Ранцы, сумки, ученичesk. портфели, туфли для балета и
спорта вы покупаете въ магазинѣ изящн. кожан. издѣлій

А. РАТФЕЛЬДЕРЪ,

(бывш. ПАРТУМЪ)

Основ. въ 1885 г.

Известковая улица (Kaļķu ielā) № 23, телефонъ 81-45.

Паровое прачешное заведенію, Красильня
и Химическая чистка

= ALBA =

В. Даниловъ и Ко.

Рига, Аусекла ул. (бывш. Царскосадовая) 6^а
Тел. 89-89.

Ушѣренныя цѣны, добросовѣстн. и аккуратн.
исполненіе. Просимъ убѣдиться.

Телефонируйте **89-39.**

Пріемъ и доставка бѣлья на домъ.

Мѣста пріема:

Ул. Аусеклиса (Царскосадовая) № 6^а.

Ул. Блаумана (б. Невская) № 3.

Столбовая ул. № 28.

Антонинская ул. № 8.

М. Лагерная ул. № 8.

Лучшій подарокъ —
музыкальный инструментъ

для

ДОМА и ШКОЛЫ

ТОЛЬКО

у

І. РЕДЛИХА

— Известковая ул., уг. Бульв. Аспазіи. —

Изд. „САЛАМАНДРА“

Обращаемъ вниманіе русскаго читателя:

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

журналъ для семьи и юношества, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ книжками не менѣе сорока страницъ. * Много иллюстрацій.

24

НОМЕРА
СЪ ПРИЛО-
ЖЕНИЯМИ И
ПРЕМИЕЙ по
КОНКУРСУ.

Повѣсти, рассказы, популярныя научныя статьи, новости науки и техники, спортъ, уголокъ бой-скаута, юный филателистъ. * Конкурсъ на премию въ сто латъ (5000 рубл.ей). * Особое приложение: „Дневникъ проказника“ съ иллюстраціями художника Г. Дайбера.

Подписная плата за годъ въ Латвіи 10 латъ (500 руб.), 1/2 года 5 латъ (250 руб.) съ доставкой и перес. За границу — 3 доллара.

Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, телефонъ 2-73.
Текущій счетъ на почтѣ № 917.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

Еженедѣльн. иллюстри-
рованный литературно-
художеств. журналъ.

Редакторъ литературн. отдѣла **Б. К. Зайцевъ**. * Сотрудники: М. А. Алдановъ, М. П. Арцыбашевъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. Г. Бережанскій, И. А. Бунинъ, Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-Аминадо, А. И. Купринъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, С. Р. Минцловъ, проф. Н. И. Мишсевъ, М. Осоргинъ, А. М. Ремизовъ, Н. А. Тэффи, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ, М. Цвѣтаева, И. С. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ и др. Художники: акад. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, акад. С. А. Виноградовъ, А. М. Прандэ, Ю. Г. Рыковскій и др. Обложка Добужинскаго. * Цѣна отд. №—40 руб. въ Латвіи, 20 ам. ц. загр. Подписная плата: на 3 мѣсяца (13 номеровъ) — въ Латвіи 10 латъ, въ Эстоніи — 850 эст. мар., въ Литвѣ — 25 литовъ, за границей — 2 ам. дол. 50 ц.; на 1 мѣсяцъ (4 номера) — въ Латвіи — 3 лата, 20 сант. въ Эстоніи 260 эст. марокъ, въ Литвѣ — 7 1/2 лит., за границей — 75 амер. цент. * Адресъ: Рига, Б. Кузнечная 43. Почтовый текущій счетъ издательства № 916 — на этотъ счетъ можно вносить подписную плату во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ въ Латвіи, Литвѣ, Эстоніи и другихъ стран., съ обозначеніемъ: „Postschek-Conto Riga № 877“.

Открыта подписка
на большую еже-
дневную русскую
газету на 1926 г.

„Слово“

Изданіе Акц. Общества
„Саламандра“, Рига
(Латвія), б. Кузнечная
43. Тел. 26-70 и 83-40.

„СЛОВО“ — поставлено по образцу Западно-Европейскихъ газетъ. * „СЛОВО“ — имѣетъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ, въ Африкѣ, а также въ Польшѣ, Литвѣ, Эстоніи и Финляндіи. * „СЛОВО“ — имѣетъ самую широкую информацию и иллюстрировано фотографіями и рисунками. * „СЛОВО“ — даетъ наиболѣе свѣжія и послѣднія сообщенія изъ Совѣтской Россіи. * Въ „СЛОВѣ“ участвуютъ лучшія литературныя, научныя и обществен. силы. * Подписн. цѣна: въ Ригѣ — 2 л. (100 р.) въ мѣсяцъ, въ провинціи — 2 л. 50 с. (125 р.), за границей — 70 амер. центовъ.

Пріемъ объявленій открытъ.

„ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА“

На-дняхъ выйдеть „Капитанская дочка“ — А. С. Пушкинъ, цѣна 60 сант. (30 руб.)
Редакція: Рига, улица Вальдемара № 63, тел. 2-73.

ОПТИКА и ВСѢ
принадлежности для фотографіи
Рига, Бульв. Аспазіа № 8. Тел. 15-03.

„ОКО“

Изд-во **„ВАЛЬТЕРСЪ и РАПА“** Якц. 0-во

уголь Театральной ул. и бульв. Аспазіа.

Книги для дѣтей и юношества:

Въ нашемъ отдѣлѣ дѣтскихъ книгъ всегда имѣется полный подборъ всѣхъ вышедшихъ и вновь выходящихъ дѣтскихъ книгъ какъ за рубежомъ такъ и въ Россіи.

Книжки съ картинками:

Дѣтскій островъ
Красная шапочка
Четвероногіе проказники
Робинзонъ Крузо
Сказки 1001 ночи
Хижина дяди Тома
Путешествіе Гуливера
Волшебная лошадка
Крокодиль
Гриввудъ. Исторія маленькаго оборвыша
Ждаповъ. Русь на переломѣ
Желиховская. Въ татарскомъ захолустьи
— Князь Иликъ
Истиенъ. Охиджеза
Куперъ. Звѣробой
— Кожаный чулокъ
— Послѣдній изъ Могиканъ
— Прерія
— Слѣдопыть
Маленькій король
Словникъ Мока и Мишукъ.

На нашихъ складахъ имѣется постоянно самый большой и полный выборъ **новѣйшей** беллетристики, научной и дѣтской литературы на латышск., русск., нѣмецк., англійск. и французск. языкахъ.

Для средняго возраста:

Андерсенъ. Повѣсти для дѣтей
Афанасьевъ. Сказки
Бутенева. Вѣрныя собаки
Волшебныя сказки китайцевъ
Гофманъ. Шелкунчикъ
Достоевскій. Избран. рассказы
Жуковскій. Избран. сочиненія
Пушкинъ. Сказки
Радуга. Русскіе поэты
Мейеръ-Лемго. Поѣздка на луну
Немировичъ-Данченко. Край золотого заката
В. Скоттъ. Айвенго
Форслундъ. Зунзунгъ и Зингилла
Сервантесъ. Донъ-Кихоть
Тургеневъ. Избранныя сочиненія
Чеховъ. Избранные рассказы.

Для юношества:

Альбаповъ. Между жизнью и смертью
Вегенеръ. Воспоминанія путешественника
Гединъ. Багдадъ
— Въ Тибетѣ
— Іерусалимъ
— Пустыни Азіи
— Трансгималаи.

Цѣна 50 сант. (25 латв. руб.). Загран. 15 амер. центовъ.

ни, котораго я впустилъ даромъ, сказалъ: «Я одолжу вамъ свои», и подалъ мнѣ мамины часы, которые я заранѣе положилъ ему въ карманъ. Я взялъ и растолокъ ихъ въ ступкѣ. Но ихъ очень трудно было растолочь — только стекло разбилось легко. Мнѣ пришлось даже взять камень. Потомъ я сказалъ: «Вы видите, господа, — часы совсѣмъ раздавлены!»

Всѣ закричали «да, да!»

Я взялъ ихъ и подержалъ одну минуту за своей спиной, а потомъ снова показать ихъ. Я ужасно испугался, когда увидѣлъ, что они все еще разбиты, и куски не хотятъ соединиться въ такіе красивые часы, какіе были раньше.

Мальчики тоже испугались, и мы спрятали ихъ въ ясли, чтобы люди подумали, что Принцъ — наша лошадь — взялъ ихъ изъ ящика и разгрызъ.

— Но ты еще не глоталъ шпаги! — закричалъ маленькій Билль Броунъ.

Я сказалъ, что у меня нѣтъ шпаги.

— Не годится-ли мой карманный ножикъ? — спросилъ Бобъ Смитъ.

Я сказалъ, что попробую. Тогда онъ открылъ свой большой ножикъ и передалъ его мнѣ. Я попробовалъ его проглотить, но сталъ давиться ужасно — кровь пошла у меня изо рта; тогда Бобъ крикнулъ:

— Брось! Хорошъ фокусникъ! И гроша не стоишь!

Всѣ мальчики сказали, что я надулъ ихъ и долженъ возратить имъ плату за входъ. Я такъ и сдѣлалъ — языкъ болѣлъ у меня ужасно и совсѣмъ распухъ. Я былъ золъ, какъ оса, потому что они такъ говорили про меня, и пошелъ домой.

Мама спросила, что съ моимъ ртомъ. Я сказалъ, что это, вѣрно, отъ красной свеклы, которая была у насъ за обѣдомъ.

Послѣ обѣда мнѣ все было нехорошо. Языкъ горѣлъ, какъ огонь, и мнѣ было страшно за мамины часы.

Когда мы сидѣли за чаемъ, и я положилъ бисквитъ въ чай, потому что языкъ мой былъ израненъ, во-

шелъ Самъ — нашъ кучеръ — прямо въ столовую, вмѣстѣ съ кухаркой и Бетти, держа въ рукахъ часы. Всѣ посмотрѣли на часы, потомъ на меня. Почему прямо на меня?

— Я нашелъ ихъ въ ясляхъ, — сказалъ Самъ и подалъ ихъ мамѣ.

— Мама, — сказалъ я, — должно быть, Принцъ взялъ ихъ изъ ящи-

— Господа, здѣсь передъ вами волшебныя яйца!

ка и разгрызъ. Дай, я посмотрю, не видно-ли слѣдовъ отъ его зубовъ на крышкѣ.

— О, дитя мое, дитя мое, дитя мое! — сказала мама, — помнишь-ли ты рассказъ о твоёмъ тезкѣ, маленькомъ Жоржи Вештенъ и его топорѣ? — Потомъ она еще разъ посмотрѣла на часы, заплакала и вышла изъ комнаты.

— Какъ это случилось? — спросилъ мой отецъ такъ строго, что я задрожалъ.

Но лучше я спущу завѣсу надъ этой умопомрачительной сценой, какъ говорится въ книжкахъ. Я не хочу запачкать твои страницы, мой дневникъ, тѣмъ, что всю слѣдующую недѣлю моей единственной мыслью было: «О, если бы я былъ Эдиссономъ, чтобы получить патентъ на приготовленіе резиновыхъ мальчиковъ».

Когда я буду большой, и у меня будутъ дѣти, я не буду ихъ наказывать за то, чего они вовсе не хотѣли сдѣлать. Такой несправедливости достаточно для мальчика, что-

бы, захвативъ ночную рубашку и зубную щетку, бѣжать къ индѣйцамъ. Почему они не пошли купить другіе часы? Вѣдь ихъ довольно въ ювелирномъ магазинѣ мистера Гольдсмита, вмѣсто того, чтобы подымать такой скандалъ.

Въ концѣ концовъ, они стали думать о другомъ и забыли, что Джоржи такой дурной мальчикъ. Они стали такіе милые и пріятные, какъ полная корзинка печенья. Старая тетка Монтегю де-Джонса въ Ирландіи умерла и оставила ему пять тысячъ фунтовъ. Я не знаю, что это за фунты — если деньги, то это было бы ужасно много. Онъ и Лили теперь поженятся. Папа говоритъ, что онъ всегда полагалъ, что Монтегю славный молодой человекъ, только слишкомъ молодъ, чтобы жениться.

Итакъ, теперь опять все въ порядкѣ. Я хочу попробовать быть умнымъ мальчикомъ до самой свадьбы, потому что Лили повела меня въ свою комнату, дала мнѣ золотой долларъ и со слезами въ глазахъ просила меня, чтобы я постарался не проказить до самой свадьбы, потому что теперь всѣ торопятся и у всѣхъ такъ много дѣла, а она желаетъ, чтобы свадьба прошла спокойно, безъ всякихъ казусовъ.

Лили — хорошая дѣвочка. Я люблю ее больше всѣхъ. Я постараюсь послушаться ее, чтобы потомъ жить у нея, когда у нея будетъ собственное хозяйство. Она говоритъ, что позволить. У нея будетъ маленькая комната особо для меня и тамъ будетъ пила, коробка съ гвоздями и всѣ инструменты.

Я думаю, я лучше не расскажу Монтегю, что она моетъ свои волосы дегтярнымъ мыломъ, чтобы они блестѣли, какъ золото; прежде они были черны, какъ уголь.

О, Боже! какъ я радъ! столько пирожныхъ! Въ семействѣ маленькаго Джонни не будетъ свадьбы, какъ у насъ. Вотъ будетъ ему завидно!

Я былъ такъ занятъ, что ужасно давно не писалъ въ своемъ дневникѣ. Я думаю, что маленькіе братья бываютъ иногда очень полезны,

если ихъ только вѣжливо о чемъ-нибудь попросить.

Я едва передвигаю ноги, когда ложусь спать, потому что цѣлый день бѣгаю за катушками нитокъ, за шелкомъ, бумагой, иглками, узорами, лимонами, изюмомъ, на почту, къ мистеру де-Джонсу съ записками и т. д. Я хотѣлъ бы ихъ отвязать, какъ это дѣлаетъ старый Билли Гильсъ.

Завтра — великій день свадьбы. Надо скорѣе ложиться спать, чтобы завтра пораньше встать.

Вотъ и прошло все. Я всталъ очень рано и былъ веселъ. Въ 11 часовъ они должны были вѣнчаться въ церкви. Кухарка и всѣ были слишкомъ заняты, чтобы дать мнѣ позавтракать. Она сказала:

— Возьми себѣ самъ хлѣба и масла, мнѣ некогда.

Я не зналъ, что маленькіе мальчики должны вѣть бутерброды, когда ихъ сестры выходятъ замужъ. Я вошелъ въ комнату, гдѣ они накрыли длинный столъ и поставили на немъ цвѣты, салатъ, пирожное, устрицы и другія вещи. Я постою у стола и поэтому могъ поѣсть вдвое больше, чѣмъ если бы я сидѣлъ за столомъ.

Въ комнатѣ никого не было. Я разлилъ кружку краснаго вина на скатерть. Этакое огромное пятно! Этакій запахъ вина! Я скорѣе убѣжалъ, чтобы подумали, что это сдѣлала Бетти.

Бетти сказала:

— Иди одѣваться!

Она одѣла меня, дала бутоньерку и носовой платокъ, который высовывался у меня изъ бокового кармана, и лакированные башмаки.

— Садись, — сказала она, — сиди спокойно, а то опять выпачкаешь свое платье.

Я посидѣлъ съ минуту, но потомъ улизнулъ къ Джонни, чтобы немного поиграть и скоротать время. Джонни сказалъ:

— Вотъ чудесная большая лужа, гдѣ могутъ плавать наши корабли, — но при этомъ онъ такъ толкнулъ меня, что я упалъ въ нее; въ этомъ я, конечно, не былъ виноватъ.

Когда я пришелъ домой, всѣмъ пришлось ждать, пока меня переодѣнуть въ старое платье, а мама плакала изъ-за скатерти, но она сказала, что плачетъ изъ-за того, что ея дочь уходитъ, а папа шепнулъ мнѣ, что «поговорить со мной тогда, когда все кончится!»

Лили была прехорошенькая, когда сошла внизъ въ бѣломъ платьѣ, съ щеками красными, какъ розы, и длинной бѣлой вуалью, которая покрывала ее всю. Сусанна также была хороша. Она была подружкой. Мистеръ де-Джонсъ имѣлъ такой видъ, будто онъ не вѣритъ, что на дворѣ октябрь, такъ ему было жарко и неловко: онъ наступилъ на шлейфъ Лили и разорвалъ его, такъ что ей пришлось приколотъ его булавкой; онъ не могъ понять, гдѣ его шляпа, а она была у него на головѣ, и разорвалъ четыре пары лайковыхъ перчатокъ, такъ онъ торопился, надѣвая ихъ. Потомъ я приколотъ ему сзади къ фраку красный шелковый платочекъ тети Бетси, и никто этого не замѣтилъ, пока онъ не сталъ подыматься на хоры. Всѣ засмѣялись, и докторъ сорвалъ платокъ. Онъ вообразилъ, что ему хотятъ что-то сказать, остановился и оглянулся, а Лили этого не замѣтила и пошла впередъ. Всѣ стали теперь громко смѣяться, и онъ покраснѣлъ, какъ ракъ.

Это его очень сконфузило, и когда священникъ потребовалъ кольцо, то онъ уронилъ его, и кольцо покатилося до самой кафедры, и Су пришлось дать одно изъ своихъ.

Теперь ужъ онъ не могъ отличить одного отъ другого и пошелъ изъ церкви съ тетей Бетси. Лили сказала, что въ наказаніе за это я не поѣду съ нею. Мнѣ все равно. Я расскажу моему новому брату про ея письма, которыя возвратилъ ей другой господинъ, который постоянно бывалъ у насъ прошлую зиму, по-

тому что она такая кокетка. Я расскажу ему, какъ она подкладываетъ себѣ вату подъ плечо и какъ она капризничаетъ.

Мы всѣ пошли въ столовую, когда пришли домой. Кажется, то мѣсто, гдѣ я разлилъ вино, было покрыто салфетками.

Много было свадебныхъ торговъ. Пили тостъ за тостомъ. Всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа; одинъ господинъ далъ мнѣ стаканъ вина и сказалъ:

— Ну, Жоржи, выпей за здоровье твоей сестры!

Я сказалъ:

— За здоровье моей сестры, которая сегодня вышла замужъ! Желаю, чтобы ея маленькихъ мальчиковъ никогда не сѣкли, не таскали за волосы, и чтобы они не отбивали себѣ ногъ, подобно ея маленькому брату!

Они должны торопиться на поѣздъ. Бессъ бросила свою туфлю вслѣдъ каретѣ. Всѣ прощались съ ними. Обо мнѣ совсѣмъ забыли, вотъ я и воспользовался случаемъ и выпилъ все вино, которое осталось.

Когда пришла мама меня искать, я лежалъ подъ столомъ и мнѣ было ужасно скверно. Я спросилъ ее, не было ли землетрясенія. Она спросила: почему? Я рассказалъ ей, что полъ подо мной перевернулся, такъ что я не могъ стоять, а кресла и столъ вертѣлись, какъ будто они тоже не могли стоять.

Тогда она позвала Бетти и велѣла отнести меня наверхъ и положить въ кровать, а сама только вздыхала и вздыхала, точно сердце ея разбивалось, и сказала:

— О, Жоржи, что только съ тобою будетъ!

— Я лягу въ постель, мама! — сказалъ я, и это, вѣдь, была правда.

Мистеръ Вилькинсъ ѣдетъ кататься съ его сестрою.

Тетя Бетси приѣхала на свадьбу, хотя и была очень сердита. Она сдѣлала Лили подарокъ — шелковое одѣяло собственной работы. Но я сказалъ ей, что Лили, вѣроятно, не будетъ особенно обрадована, потому что надѣется, что тетя Бетси подарить ей хорошенькій серебряный сервизъ. Наша Бессъ названа такъ въ честь тети, чтобы имя оставалось въ семействѣ, а въ честь кого названа наша горничная Бетти, этого я не знаю. Нужно будетъ ее спросить объ этомъ. Тетя заметалась по комнатѣ, точно курица съ отрѣзанной головой; она сказала, что если она Бессъ подарить чайный сервизъ, то, кажется, этого будетъ довольно съ нихъ. Она всѣ свои деньги завѣщаетъ сиротскому дому, а наши ни гроша мѣднаго не увидятъ, если шелкового одѣяла мало для Лили. Она дала бы что-нибудь Бессъ, потому что та носитъ ея имя, но Жоржъ Вештенъ тоже не далъ бы мнѣ ничего, хотя я его тезка. Су сказала, что я опять наболталъ лишняго, и теперь она ужъ ничего не получить, когда будетъ выходить замужъ за доктора. Она сказала, что я баламутъ. Я спросилъ ее, что это за штука, вродѣ-ли бѣлки, или вродѣ курицы? Она сказала, что у него двѣ ноги и очень болтливый языкъ.

Къ намъ приходитъ теперь новый молодой человекъ. Мнѣ кажется, онъ приходитъ ради Бессъ. Я спросилъ Бетти, какъ она объ этомъ думаетъ, и она сказала то же самое. Имъ бы нужно быть съ нимъ полюбезнѣе, она ужъ такая старая, что просто смѣшно, ей въ маѣ минуло двадцать три. Я слышалъ, мама ей разъ сказала: «Спустя лѣто по малину не ходятъ», но я не знаю, что это значить.

Новаго молодого человекъ зовутъ мистеръ Вилькинсъ. Вчера вечеромъ я пошелъ въ залу, когда онъ и Бессъ разговаривали между собой, и я сталъ на него пристально смотрѣть. Какой онъ потѣшный! Бессъ сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я ушелъ. Я зналъ, что ей неловко сказать это громко, и потому сдѣлалъ видъ, что не понялъ ея.

— Какъ поживаешь, маленькій человекъ? — сказалъ онъ.

— Я не маленькій человекъ, — отвѣтилъ я, — я мальчикъ. Вы думаете, можетъ быть, что я мальчикъ-съ пальчикъ или другой какой карликъ?

Онъ засмѣялся.

Я спросилъ его:

— Что это у васъ такъ блеститъ, когда вы смѣтаетесь? Вѣрно, золото, какъ-то, которое зубной врачъ вложилъ въ зубы Бессъ?

— Ты забавный мальчуганъ, — сказалъ онъ, но уже болѣе не смѣялся, такъ что я не могъ видѣть того, что такъ блестѣло у него во рту.

— Вы тоже забавный, — сказалъ я. — Что это у васъ въ другомъ глазу, вѣдь, онъ совсѣмъ не двигается? Вѣрно, онъ изъ стекла?

— Ты дерзокъ, — сказала Бессъ. — Иди прочь, или я пойду, скажу мамѣ.

Я отошелъ, но тотчасъ же вернулся, потому что мнѣ хотѣлось знать, почему другой его глазъ не шевелится; я стоялъ и все смотрѣлъ на него въ упоръ.

Бессъ говорила потомъ, что ей просто хотѣлось бѣжать изъ комнаты.

— Жоржи, — сказала она такъ сладко, какъ тортъ, — скажи, пожалуйста, Бетти, чтобы принесла пирожнаго и лимонаду.

Я сказалъ и опять вернулся назадъ, и еще пристальнѣе сталъ смотрѣть на него, потому что не могъ понять, что такое съ его глазами. А волосы у него совсѣмъ рыжіе. Бессъ извинилась, сказавъ, что выйдетъ на одну минутку въ другую комнату, а когда она вернулась, она сказала: «Жоржи, мама зоветъ тебя». Пришлось идти, а мама сказала мнѣ, что ужасно невѣжливо такъ въ упоръ смотрѣть на гостей.

— Но, мама, — сказалъ я, — почему онъ не заводитъ глаза, чтобы онъ двигался, какъ другой?

Большіе ужасно неразумны съ дѣтьми. Въмѣсто того, чтобы объяснить, она сказала:

— Тебѣ пора спать, Жоржи!

Мистеръ Вилькинсъ приходитъ аккуратно черезъ день, по вечерамъ. Докторъ и Сузи сидятъ въ первой комнатѣ, а онъ съ Бессъ во второй. Почему они не сидятъ всѣ вмѣстѣ? Онъ хочетъ завтра послѣ обѣда ѣхать кататься одинъ съ Бессъ. Мнѣ кажется, они могли бы спросить меня, не хочу-ли и я поѣхать съ ними?

Я думаю, что поѣду! Ужасно было бы потѣшно залѣзть подъ сидѣнье и послушать, что онъ будетъ говорить, — у него такой пискливый голосъ. Попробую это устроить. Я бы взялъ съ собой Джонни, но не хватитъ мѣста.

Мистеръ Вилькинсъ въ 4 часа подѣхалъ къ дому въ двухколесномъ шарабанѣ, на черной лошади съ золоченой сбруей. Я стоялъ у другого угла дома и наблюдалъ, а когда онъ на минутку вышелъ въ сѣни, чтобы сказать, что онъ пріѣхалъ, я прыгнулъ въ экипажъ, залѣзъ подъ сидѣнье и спустилъ кожаный пологъ, такъ что меня не было видно.

Мои колѣни были ужасно стиснуты. Я легъ поудобнѣе и притихъ, какъ смерть, пока они сажались. Онъ потянулъ вожжи, и мы поѣхали.

Лошадь полетѣла, какъ стрѣла, и мы отѣхали миль 8 отъ города. Я ужасно жалѣлъ, что поѣхалъ съ ними, потому что очень усталъ, сти-

снутый въ тѣсномъ ящикѣ. О, какъ все у меня болѣло!

Когда стало прохладнѣе, послѣ захода солнца, лошадь шла ужъ не такъ скоро; она плелась такъ медленно, что я думалъ, вотъ-вотъ сейчасъ умру.

У меня была съ собою цѣлая пачка ракетъ и нѣсколько спичекъ въ карманѣ, но я хотѣлъ сперва слышать, что онъ ей будетъ говорить, а потому еще не пускалъ ихъ. Я такъ усталъ, что не могъ даже думать о томъ, одинаковые-ли у него глаза.

— Дорогая, дорогая моя Бесси! — сказалъ онъ, какъ будто она была шестимѣсячный баби.

Моя сестра не отвѣчала ни слова.

— Вы не сердитесь на меня?

Какъ будто было изъ-за чего сердиться!

Вѣрно, онъ думалъ, что такой старой дѣвицѣ не понравится, что съ нею обращаются, какъ съ маленькимъ ребенкомъ. Но потомъ онъ наговорилъ такую кучу сладкихъ словъ, точно она представляла собой кондитерскую. Никогда не слышалъ я ничего подобнаго. Я подумалъ: «Мистеръ Вилькинсъ, если бы она таскала тебя за уши такъ, какъ меня, ты бы не назвалъ ее голубкой или ангеломъ». Эти дѣвочки, которыя угощаютъ своихъ маленькихъ братьевъ пинками и толчками, никогда не злятся, когда напроказятъ большіе мальчишки; это ужъ я замѣтилъ, но я рѣшилъ, что лучше не скажу этого, — пусть онъ ее беретъ, если ужъ онъ такой дуракъ.

— Торговля матеріями идетъ теперь хорошо, — сказалъ онъ послѣ того, какъ болѣе двѣнадцати разъ назвалъ ее ангеломъ, — и я думаю, мы можемъ сыграть свадьбу около Рождества.

Тогда Бессъ сказала:

— Я никогда не одобряла долгихъ помолвокъ, Чарльзъ, и если вы думаете, что къ Рождеству, то я постараюсь приготовиться къ этому времени.

Потомъ они одну или двѣ минуты не говорили ничего, и я услышалъ какое-то щелканіе. Можетъ

быть, это заскрипѣло колесо. Я такъ думаю. Колѣни мои такъ болѣли, что я не могу сказать навѣрное. Я такъ прозябъ и такъ проголодался, а мои локти были такъ стиснуты, что я рѣшилъ испугать мистера Вилькинса, чтобы онъ соскочилъ съ экипажа.

— Подъ сидѣньемъ что-то есть, — сказала Бессъ. — Боже милосердный! О, Чарльзъ, должно быть, это собака!

— Не бойтесь, — сказалъ онъ, — я собственной жизнью готовъ васъ защ. . . Ай, ай, что бы это могло быть?

— О, остановите лошадь, дайте мнѣ слѣзть! — кричала Бессъ.

— Я сейчасъ посмотрю, что это такое, — сказалъ мистеръ Вилькинсъ.

Онъ пощупалъ подъ сидѣньемъ. Его рука коснулась моихъ волосъ. Я укусилъ его за руку, чтобы онъ подумалъ, что это собака.

— Это собака! — закричалъ онъ, — бѣшеная собака! Она укусила меня! О, я теперь сойду съ ума!

Съ этими словами онъ выскочилъ изъ экипажа и оставилъ въ немъ сестру одну (это доказываетъ, какъ сильно онъ ее любилъ).

«Теперь какъ разъ время для потѣхи, — подумалъ я. — Онъ не сядетъ больше въ шарабанъ. Я испугаю лошадь, она понесется вмѣстѣ со мною и Бессъ, а потомъ я вылѣзу и остановлю ее».

Я зажегъ спичку, поднесъ ее къ ракетѣ и бросилъ подъ ноги лошади: та посакала, какъ чортъ. Ракета была славная — ши-цш-ши-цш-кряхъ! бумъ!...

Бессъ визжала, мистеръ Вилькинсъ жаловался, лошадь бѣжала карьеромъ — никогда еще свѣтъ не видѣлъ ничего подобнаго! Я самъ испугался ужасно. Я вылѣзъ и схватилъ вожжи, но онѣ упали внизъ, подъ лошадь, и было ужъ темно, какъ въ смолѣ. Я такъ и ждалъ, что мы оба убьемся.

Бумъ-бурумъ-бумъ! катили мы одну милу за другой. Мистеръ Вилькинсъ остался на дорогѣ далеко, далеко. Бессъ взвизгивала при каждомъ скачкѣ лошади. Дѣйстви-

тельно, это было ужасно. Наконецъ мы пріѣхали въ городъ, гдѣ уже были зажжены огни. Люди выбѣжали и хотѣли насъ остановить. Черезъ минуту лошадь вбѣжала прямо въ конюшню, откуда ее взяли. Развѣ это была не умная лошадь? Тамъ она стала, какъ вкопанная, и задрожала. Намъ помогли выйти изъ экипажа. Тогда я сказалъ Бессъ:

— Зачѣмъ ты такъ кричала? Вѣдь не было же такъ опасно.

— Жоржи Гаккетъ, это ты? Я все время думала, что тамъ бѣшеная собака, которая хотѣла меня укусить. Отчего же былъ такой трескъ? Мнѣ еще никогда въ жизни не было такъ страшно! Ты негодяй, безбожный мальчишка! Ты могъ убить меня! Ну, сегодня тебя угостятъ палочкой! Я, кажется, никогда не оправлюсь отъ этого вечера. О, господи! хозяинъ конюшни, не возьмете-ли вы другую лошадь и не поѣдете-ли за мистеромъ Вилькинсомъ — онъ остался гдѣ-то на дорогѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда. О, какое чудо, что насъ не разбило въ 10.000 кусковъ! Ахъ, мнѣ дурно! Мерзкій, скверный, безпокойный мальчишка, смотри, что ты надѣлалъ! Папа задастъ тебѣ сегодня!

— Я не хотѣлъ сдѣлать ничего дурного, — сказалъ я, — я полѣзъ подъ сидѣнье, чтобы послушать, что скажетъ мистеръ Вилькинсъ. Я думаю, что если бы я назвалъ дѣвочку ангеломъ, то не соскочилъ бы съ шарабана и не оставилъ бы ее одну съ бѣшеной собакой. Ого, онъ получить водобоязнь? Онъ, можетъ быть, ужъ заболѣлъ ею, онъ такъ сильно укушент! Можетъ быть, другой его глазъ зашевелится, когда съ нимъ сдѣлаются судороги. Если онъ взбѣсится, то, надѣюсь, еще передъ Рождествомъ, миссъ Бессъ.

Я не могъ докончить, потому что она рукою закрыла мнѣ ротъ. Люди ухмылялись, а я долженъ былъ идти домой, потому что Бессъ меня тащила.

Всѣ сидѣли за чаемъ, когда мы вошли. Пахло такъ хорошо, а я былъ страшно голоденъ, но у меня

было тяжело на сердце: я знаю, что мнѣ достанется.

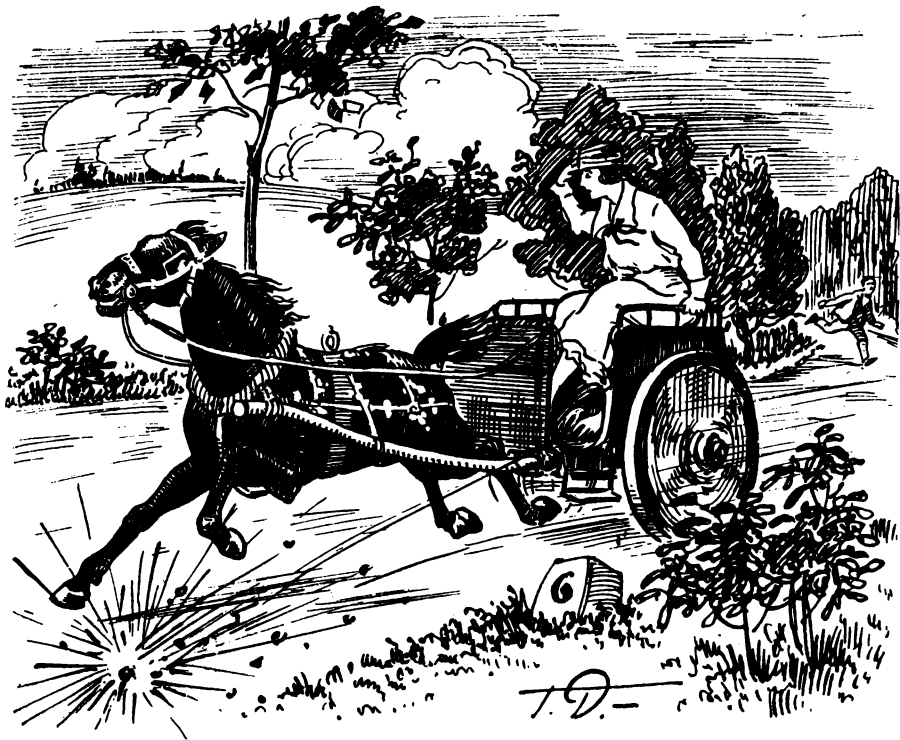
— Рѣшительно неисправимъ! — сказала мама, когда Бессъ кончила свой рассказъ. — Ты пойдешь спать и спать подождешь, пока я не приду и не раздѣлаюсь съ тобою.

Когда я медленно поднимался по лѣстницѣ, я услышалъ, какъ Су съ докторомъ хохотали до упаду — не знаю, надъ чѣмъ.

Около 9 часовъ ко мнѣ пришла

Она сказала, что попросить маму сказать папѣ, чтобы онъ на этотъ разъ не билъ меня.

Ну, до свиданья, мой дневникъ. Я дошелъ до послѣдней страницы. Я расскажу тебѣ все мои надежды и опасенія, какъ говорить Лили въ своемъ дневникѣ. Милая Лили, у ней теперь свой домъ. Я навѣщу ее на будущей недѣлѣ, если переживу свое наказаніе. Бетти занята вшиваніемъ ваты въ мои панталон-

Я бросилъ ракету подъ ноги лошади...

Бетти и принесла мнѣ вкусный, горячій ужинъ. Бетти просто сокровище. Она тоже терпѣть не можетъ мистера Вилькинса, еще болѣе, чѣмъ я.

Она говоритъ, что просто ужасно, какъ часто я попадаюсь — такой несбывный мальчикъ, который хотѣлъ бы быть образцовымъ. Она рассказала мнѣ, что мистеръ Вилькинсъ только что вернулся, весь въ грязи и съ разорванными сапогами; онъ разорвалъ ихъ, когда выскакивалъ изъ экипажа. Я спросилъ, не зашевелился-ли его стеклянный глазъ.

ны, такъ что у меня мало надежды пережить побои. Я молюсь о томъ, чтобы пережить. Я слышу на лѣстницѣ шаги отца — прощай, дневникъ! У меня явился планъ, какъ удрать. Я расскажу его тебѣ. Я спрячусь въ нижній ящикъ письменнаго стола, тамъ онъ не будетъ меня искать. Бетти оставитъ ящикъ немного приоткрытымъ, чтобы я могъ дышать. О, какая потѣха провести папу!

Если бы я не чихнулъ, онъ не нашелъ бы меня ни за что на свѣтѣ. Зачѣмъ это непременно чихаешь,

когда вовсе не хочешь? Чиханье обошлось мнѣ дорого, но я опускаю завѣсу, сцена слишкомъ ужасна, чтобы ее описать. У меня еще двѣ толстыя пачки ракетъ — мценіе

сладко — не буду я Жоржи Гаккетъ, если папа ночью не проснется, а мама не спроситъ: «Что это — землетрясеніе, или день страшнаго суда?»

Глава VII

Онъ идетъ въ церковь.

Докторъ Муръ позволяетъ мнѣ иногда приходиться къ нему въ аптеку поиграть, но онъ не хочетъ оставлять меня тамъ одного, потому что кругомъ стоитъ много ядовитыхъ лѣкарствъ. Вчера его вдругъ вызвали — съ какимъ-то человѣкомъ сдѣлался припадокъ — и онъ сказалъ мнѣ:

— Жоржи, ты будешь сидѣть въ этомъ креслѣ, пока я не вернусь!

Я сидѣлъ тихо, но скоро началъ зѣвать до того, что голова у меня чуть не отвалилась; потомъ пришла старая миссъ Бакстеръ, пристально посмотрѣла на меня сквозь очки и спросила, гдѣ докторъ.

— Тамъ съ однимъ человѣкомъ сдѣлался припадокъ; могу я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ, миссъ? — спросилъ я очень вѣжливо.

— Ты — Жоржи Гаккетъ? — сказала она презрительнымъ пискливымъ голосомъ. — Да ты бы отравилъ меня, если бы я была такъ глупа позволить что-нибудь тебѣ. Все, что мнѣ нужно, это немножко лѣкарства, и докторъ не взялъ бы съ меня ни доллара.

При этомъ она посмотрѣла вокругъ на всѣ банки и предметы — говорятъ, она ужасная скряга — и, увидѣвъ банку съ зейдлицкими порошками, быстро подошла къ ней, взяла одинъ синій и одинъ бѣлый и положила на столъ пять центовъ.

На столѣ стояло нѣсколько стакановъ, немного воды со льдомъ и чашка съ сахаромъ. Я спросилъ миссъ Бакстеръ, не смѣшала ли ей порошки. Ей пришло на мысль, что она можетъ получить сахаръ даромъ, потому она сказала: «да».

Я приготовилъ очень сладкой воды въ двухъ стаканахъ и сказалъ ей, чтобы она выпила сначала синій порошокъ, а потомъ бѣлый; она такъ и сдѣлала. Черезъ минуту съ ней сдѣлался припадокъ! Я не могу себя представить, отчего бы это: порошки были вѣрные. Она опрокинулась назадъ, лицо ея такъ почернѣло, точно она выпила чернилъ. Она едва не задохлась. Я побѣжалъ на улицу за докторомъ, но не нашелъ его. Я сказалъ нѣкоторымъ прохожимъ, что миссъ Бакстеръ умираетъ въ нашей аптекѣ: они побѣжали, подняли ее и положили на диванъ; ея очки разбились, ея платье было разорвано, а слезы текли изъ ея глазъ, какъ на похоронахъ.

Они спросили ее, что случилось; она сказала, что не такъ приняла порошки: взрывъ произошелъ у нея въ желудкѣ, вмѣсто того, чтобы произойти въ стаканѣ; мнѣ кажется, она была права. Она заплатила за порошки пять центовъ, но очки стоили ей дороже. Она погрозила мнѣ своимъ зеленымъ зонтикомъ, когда уходила, какъ будто я былъ во всемъ виноватъ.

Подъ столомъ стоялъ ящикъ, а въ немъ красивый кожаный футляръ. Я думалъ, что тамъ лежитъ какое-нибудь украшеніе, но когда я его открылъ, то нашелъ маленькіе ножички и другія вещицы, ужасно острия.

Потомъ пришла маленькая дѣвочка съ 25 центами и съ занозой въ рукѣ. Я сказалъ ей, чтобы она подождала, но она отвѣтила, что ей очень больно, а я сказалъ: